

Своя

декабрь 2014

журнал
Никиты Михалкова

**РОССИЯ
В МИНИАТЮРЕ**
90 лет знаменитому
палехскому промыслу

ФОТО: И. ДЫНИН/ТАСС

**Все пути ведут
в Царьград**

Георгий Флоровский —
борец с безотцовщиной

Ценз для воеводы

Хочешь быть
полководцем —
крестись!

**Хасбулат,
can you see...**

Русская застольная
или гимн США?

При первом погружении в родную стихию русского наблюдателя обступали волнительные загадки, и чем глубже проникал взор, тем нагляднее раскрывалось русское своеобразие и резкая противоположность России и Запада...

Даже Чаадаев ясно видел, что причина особенностей русской исторической судьбы лежит в наследии древней Византии. Его унылый и зловещий пессимизм опирался именно на сознание русского своеобразия. И впоследствии, оставаясь при тех же основных воззрениях, он стал видеть в России «Божий народ будущего»...

И какую бы ни возродилась Грядущая Россия, она будет — мы верим — Россией единого народа, творчески определяющего свое бытие.

Прот. Георгий Флоровский (1893–1979)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

- 2 Слово издателя**
Мост между Востоком и Западом
- 3–5 Национальная идея**
Общее дело и общее делание
Перечитываем «Манифест просвещенного консерватизма»
- 6–9 Философ о философе**
Все пути ведут в Царьград
- 10–13 Символ веры**
Ценз для воеводы
- 14–17 Русская Евразия**
Братских народов союз вековой
Как прирастала великая страна
- 18–22 Корневая система**
Ни эллина, ни иудея
Александр III — культуртрегер и меценат
- 23–25 Великие реалисты**
Карл Великолепный
215 лет со дня рождения Брюллова
- 26–29 Страна мастеров**
Россия в миниатюре
Специальный репортаж из поселка Палех
- 30–32 История одной песни**
Хасбулат, can you see...
- 33–35 Записки охотника**
И «ежик» мой со мною
Ижевские ружья по-прежнему в цене
- 36–39 Служу России**
Красная капелла. Швейцарская гастроль
Вклад группы Дора в победу над фашизмом
- 40–43 Другие берега**
Русский медведь — защитник французов
Малоизвестные факты Первой мировой
- 44–47 Забавы молодецкие**
Мансийский воин
Руслан Проводников — народный чемпион
- 48 Трапезная**
Стол с лапшой да сам большой

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

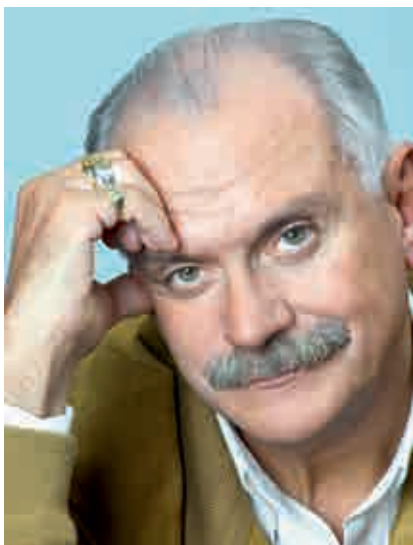
Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии Ab Scanweb Oy, www.scanweb.fi

Тираж 34 600

Подписано в печать 15 ноября 2014 г.

Мост между Востоком и Западом

Духовное богатство России — в ее потрясающей внутренней открытости. Имперское сознание нашего многонационального народа — это природное свойство, порожденное не потребностью порабощения и захвата, а естественной необходимостью жить в общих границах и защищать глобально единые интересы. Вся история России, все, что с нами происходило, в конечном счете работало на этот уникальный результат.

Даже татаро-монгольское иго было, с одной стороны, грубо говоря, оккупацией, а с другой — спасением от того, чтобы не попасть под латинский сапог. Александр Невский сумел устоять перед посулами латинян, которые предлагали ему принять католичество в обмен на защиту от татар. Он пошел навстречу своим врагам, предпочел платить дань, пожертвовать материальным, однако остаться в лоне православия. Татары не выбивали из-под русских духовную опору. Да, загоняли лошадей в храмы, но не истребляли веру. Не считали, подобно нынешним радикальным исламистам, православных своими врагами. Это были захватнические войны — со взиманием дани, грабежами, насилием. Но захватчики никогда не творили бесчинства только потому, что перед ними православные. В определенном смысле это стало поводом к тому, чтобы понятие другой национальности, другой веры не вызывало в русских непримиримого отторжения.

Кроме того, огромное количество народов, которые населяли и населяют Русь, а теперь Россию — после присоединения Сибири, Крыма, Кавказа — заставляло естественным путем примиряться с чужими религиями, обычаями, нравами, чужим языком и разрезом глаз. Представители разных национальностей — в удивительном миксте талантов и возможностей — формировали российские государственные институты, отечественную науку, культуру, военное искусство. Что в итоге породило тот самый конгломерат, который на сегодня является единственным реальным мостом между Востоком и Западом. Россия, как и Америка, — это котел, но — в отличие от США — котел византийский. Америка переплавляет людей, приучая их жить по законам потребительского сознания. Эти законы интернациональны: больше есть, мягче спать... А российский котел сохраняет самобытность каждого народа.

Часть Украины, возмечтавшая сегодня о «мононациональном государстве», пытается лишить свой народ великих преимуществ имперского сознания. Правда, если внимательно взглянуть на историю, мы поймем, что в украинской элите всегда существовали подобные настроения. Достаточно прочитать «Фиолетовый луч» из «Повести о жизни» Паустовского: сцена входа Петлюры в Киев как будто взята с телеэкрана, из выпуска последних новостей. Но тем не менее, при всех разногласиях и подхихкиваниях насчет «москалей» и «хохлов», на Украине, особенно в восточной ее части, никогда не стирался православный код, делавший русских и украинцев единым народом. И против глубинной мощи этого кода сиюминутные завиральные политические идеи бессильны.

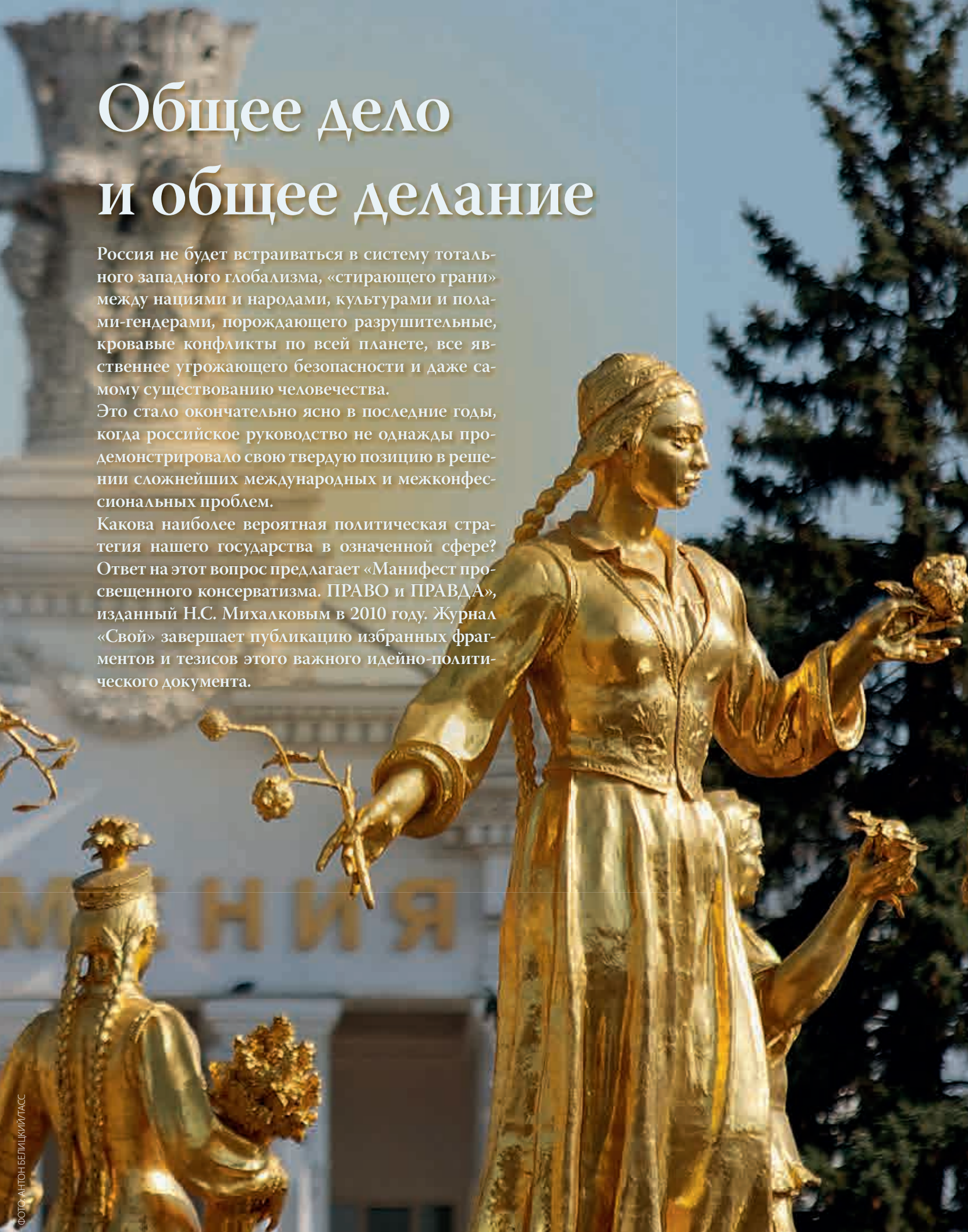
A handwritten signature in black ink, appearing to be 'AN', located at the end of the text.

Общее дело и общее делание

Россия не будет встраиваться в систему тотального западного глобализма, «стирающего грани» между нациями и народами, культурами и полами-гендерами, порождающего разрушительные, кровавые конфликты по всей планете, все явственнее угрожающего безопасности и даже самому существованию человечества.

Это стало окончательно ясно в последние годы, когда российское руководство не однажды продемонстрировало свою твердую позицию в решении сложнейших международных и межконфессиональных проблем.

Какова наиболее вероятная политическая стратегия нашего государства в означенной сфере? Ответ на этот вопрос предлагает «Манифест просвещенного консерватизма. ПРАВО и ПРАВДА», изданный Н.С. Михалковым в 2010 году. Журнал «Свой» завершает публикацию избранных фрагментов и тезисов этого важного идейно-политического документа.

Национальный вопрос

Мы убеждены, что национальное чувство каждого народа требует к себе сочувственного и уважительного отношения.

Народных культур в России множество. Все они равноможны друг другу. Ни одна не выше и не ниже другой.

Каждый народ живет по-своему: по-своему рождается и умирает, по-своему радуется и печалится, по-своему возносится и падает духом. У каждого народа свой инстинкт и дух, своя судьба, отраженная в его национальной культуре.

Национальная гордость — верное и крепкое начало народного пути; горячее чувство, драгоценное в творческом отношении. Истинный гений — национален. Великая культура — неповторима.

Здоровый просвещенный национализм — национализм полиэтнический и поликультурный. Это свободный, творческий, в настоящем смысле слова созидательный национализм. В нем нет комплекса инородства. Он не боится соперничества и поглощения чужеродными элементами. Напротив, он способен впитывать и творчески перерабатывать их в себе. Именно такой тип национализма создавал в мировой истории великие империи с позитивной миссией, которые были свойственны византийской, англосаксонской и российской государственности.

Гарантийное государство

Основное задание современной России состоит в том, чтобы найти и сохранить такую форму государства, «при которой дух гражданской корпорации насытил бы форму государственного учреждения».

Такой формой государства является гарантийное государство или государство с положительной миссией.

Гарантийное государство обеспечивает проведение в жизнь стабилизирующей социально-политической программы, способствующей экономическому росту страны. Отличительной особенностью этой программы является то, что она положительно воспринимается государством, гражданским обществом и частными лицами, придерживающимися различных политических взглядов и убеждений.

Это в настоящем и полном смысле слова общенациональная социально-политическая программа.

Ее главная цель состоит в утверждении национального идеала — единства ПРАВА и ПРАВДЫ как основы политической мощи, экономического процветания России и роста личного благополучия российских граждан.

Ее главные задачи заключаются в реализации идей:

- симфонии государства и гражданского общества;
- союза личности, нации и государства;
- гармонии труда, земли и капитала;
- равноможности «прав и свобод народов» и «прав и свобод человека».

Правовое выражение и юридическое оформление идея гарантийного государства должна найти в Основном Законе государства — Конституции России.

Принципиальное отличие новой Конституции России от ныне действующей состоит в том, что она должна быть основана не только на Декларации прав человека, но и на Декларации прав народов...

Гарантийное государство обязано:

— обеспечить государственный суверенитет страны, заповеданной Богом и завоеванной подвигами предков, возродить единое политическое, экономическое, правовое и культурное пространство

исторической России и сохранить русский язык как язык межнационального общения на евразийском континенте;

— при определении формы правления, формы государственного устройства и политического режима, а также при разработке долгосрочной и среднесрочной стратегии развития страны исходить из традиционного для России культурно-исторического типа цивилизации;

— разрабатывать и проводить в жизнь единую общенациональную политику России, основанную на традиционных для нее идеалах и ценностях и преследующую новационные интересы российского государства, гражданского общества и личности;

— при решении любых внутренних и внешних проблем исходить из обеспечения национальной безопасности России и защиты интересов российских граждан, и только из них;

— разработать и принять такую систему ПРАВА, которая, регламентируя содержание и форму политической и экономической деятельности государства, гражданского общества и личности, обеспечивая законность и правопорядок в стране, исходит из того, что российское право есть особенная часть семьи континентального права и в качестве таковой принимается российским правосознанием как строгая, но справедливая ПРАВДА;

— создать политические и правовые условия для интенсивного роста российской экономики и обеспечить глобальное лидерство

России в четырех сферах: земле, воде, воздухе и космосе;

— построить такую систему государственного контроля и управления, которая будет способствовать организации производства и потребления товаров и услуг, позволяющих на порядок поднять уровень жизни, в десятки раз увеличить доходы российских граждан и заставить их забыть о том, что такое материальная нужда и бедность;

— предпринять все необходимые меры для того, чтобы раз и на-

всегда искоренить из нашей жизни такие понятия, как терроризм, коррупция и организованная преступность;

— рассматривать материальное производство как средство для производства духовного, которое является для него целью. Внутренняя политика страны должна предусматривать механизмы для реализации приоритетного развития духовного производства, в первую очередь: науки, культуры и образования;

— разработать и реализовать такую национальную политику, которая воплощала бы в себе идею возрождения личного и гражданского достоинства русского человека и народа, традиционно составляющего в России абсолютное большинство, но в то же время не ущемляла прав и свобод других народов Российской Федерации.

Гарантийное государство — это государство Общего дела и Общего делания. Мы верим, что ему принадлежит будущее.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ФОТО: АЛЕКСАНДР САВЕРКИН/ТАСС

Наталья Нарочницкая,
президент Фонда исторической перспектив, руководитель Института демократии и сотрудничества

Как и в жизни любого человека, любой семьи, в жизни государства очень много делается не потому, что это выгодно, скрупулезно просчитано в бухгалтерских сметах или на компьютере, а потому, что это должно и праведно. И только тогда нация растет, органично развивается. Можно ведь не защищать Отечество во время войны, считая, что сие накладно, чревато слишком большими экономическими потерями. Но что в таком случае останется от истории?

Все великие державы, в том числе европейские, которые дали миру великую культуру, являли примеры удивительного самостояния, созданы не гражданами мира — постмодернистами, но теми, для которых долг, вера, Отечество выше жизни.

Просту говоря, мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть. И к России это особенно относится: здесь экономические, утилитарные соображения всегда подчинены некой высокой цели. Ведь обитание на большей части территории нашей огромной страны, по сути, нерентабельно. Тем более — в условиях открытой мировой экономики.

Русский человек прошел от Буга до Тихого океана, особо не задумываясь о материальной выгоде, и создал на удивление всему миру уникальную страну-цивилизацию, объединенную веротерпимым православным ядром. Если бы мы изначально руководствовались технократическим и прагматическим мышлением, то Московия, зажатая снегами, непроходимыми лесами — с волками и медведями, никогда бы не стала центром великой России.

Именно такие взгляды традиционно определяли нашу международную и в целом государственную политику. Поэтому неизменно призываю: не запрещайте нам называть себя русскими. Это имя стало именем России. Нашей кровью полита вся эта земля. Имея невероятно сложную историю, колоссальные пространства, где сплелись в сотрудничестве самые разные народы, мы заслужили право на более сложные, нежели у других государств, многосоставные принципы наших международных отношений.

Не следует забывать, что русские — основатели и стержень Российского государства. Без них России не будет.

Все пути ведут в Царьград

Как во всякой по-настоящему сильной философской литературе, в трудах русского мыслителя Георгия Флоровского очень много парадоксального. А значит — порождающего различные, порой полярные точки зрения и толкования. К примеру, глубокая критика «первых евразийцев» может восприниматься и как попытки их теорию «подправить», усовершенствовать, и как стремление разметать ее в пух и прах. Что же представляет собой творчество Флоровского на самом деле? На эту тему размышляет современный философ, историк, публицист Егор ХОЛМОГОРОВ.

НЕДАВНО, представляя в одном из московских магазинов свою книгу о Русской весне, обратил внимание на два выставленных на продажу тома. Разного формата, с разными обложками, но одним автором — Максимом Исповедником — и весьма похожими названиями...

Творчество преподобного Максима, величайшего православного философа и богослова, полюбил давно (благодаря прочитанной еще в 18 лет работе Георгия Флоровского), а потому стал обе книги вдумчиво сравнивать. Убедился: они поразительно разные, хотя готовили их одни и те же переводчики... Вдруг осознал «необычность», чуть ли не абсурдность ситуации: в XXI веке, вместо того, чтобы беседовать с читателями об актуальнейших со-

бытиях, связанных с Украиной, разглядываю переводы древних трактатов о вроде бы уже давно не важных для нас спорах. Более того — толстенные тома с трактатами выложены на самом видном месте! Причем в модном, этаким «хипстерском» магазине. То есть книготорговец явно рассчитывает на то, что они будут проданы.

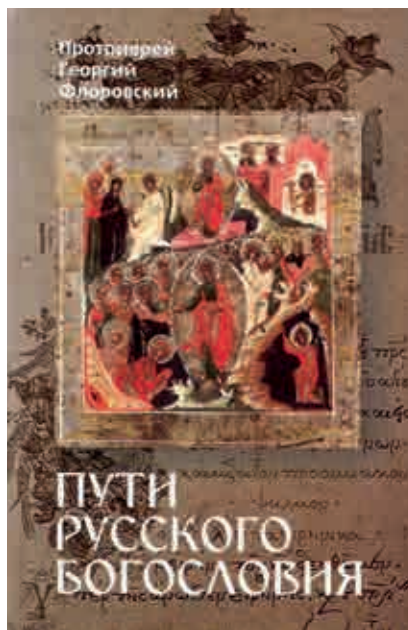
Вспомнил другие наши книжные магазины «гуманитарной направленности». Там тоже на полках всюду стоят произведения святых отцов, древних византийских богословов. В Европе такого нет. Даже в Греции византийских авторов придется поискать — увидеть собрание сочинений Ленина в Афинах гораздо проще.

Подчеркнутая любовь к византийскому наследию, умение нашего образованного человека читать святых отцов и византийцев, желание ученых их переводить, наконец, то, что в споре на тему «грешно ли смеяться» решающим аргументом может стать цитата из Иоанна Дамаскина — все это особенность нашего и только нашего интеллектуального пейзажа. Уникальная черта нашей духовной культуры. И обязаны мы этим, по сути, одному человеку — протоиерею Георгию Флоровскому, выдающемуся богослову, историку мысли и яркому публицисту.

Когда-то он, молодой философ-белоэмигрант, приглашенный преподавать патрологию в богословском институте в Париже, изучал эту науку едва ли не одновременно со студентами. Приходил на лекцию с тем, что прочел буквально накануне. Плодом такой совместной учебы стали книги «Восточные отцы IV века» и «Восточные отцы V–VIII веков». Парадокс: именно две эти работы Флоровского являются лучшим, наиболее ярким и цельным изложением учения отцов, наиболее близким к оригиналу слепком их мысли.

Многим памятна сложная отношения Флоровского с евразийским

идейным течением — от участия в совместных проектах и гордого «мы, евразийцы» в некоторых статьях до решительного размежевания в жестком эссе «Евразийский соблазн». Философ упрекнул недавних соратников в том, что, залюбовавшись «жизнью», кипевшей в Советской России, евразийцы позабыли о Правде («а бывает ведь и злая жизнь»). Что, придав в слове «Евразия» решительный перекос корню «Азия», те забыли не о Западе, не о его латинстве и протестантстве, атеизме и масонстве, а о Христе. О христианстве, которое является основой всех цивилиза-

ций европейского корня — и Западной, и Византийской, и Русской. Если Запад отрекается от Христа, он отказывается от европейского в себе. Для православной же России такое отречение, растворение в многоконфессиональных азиатских просторах равнозначно было бы потере самой себя. При этом считать Флоровского «западником» ни в коем случае не следует.

Он смог стать успешным профессором Гарварда и Принстона, кумиром молодых американских славистов. Однако надежды русских эмигрантов первой волны на то, что вместе со знаниями они принесут на Запад и любовь к России, остались тщетными.

Активно участвовал в зарождении экуменического движения, в котором, как он полагал, христианам Европы и Америки удастся найти общие истоки, некогда объединявшую их Истину. Но всегда был уверен, что полнота этой истины — в Православии, и свидетельствовал об этом неустанно.

«Вредные» упования потерпели крах еще при жизни — в 1970-е годы больной старик ужасался хиппизированной, деградировавшей Америке. Отвернулся с негодованием от экуменизма, хотя до торжества «гей-священников» оставалась еще добрая четверть века.

Его тексты делали свою главную работу не на Западе, где он был признан, а в России, где его книги и статьи распространялись в самиздате, на ротапринте, в машинописных копиях самопальных переводов. Для официальной советской печати Флоровского с его резко антисоветской позицией не существовало. Этим он отличался от других крупных богословов — В.Н. Лосского и о. Иоанна Мейендорфа, чьи произведения были полулегальны. Зато самиздатский выпуск «Путей русского богословия» считался высочайшей ценностью.

Да и современному читателю Флоровский известен прежде всего как автор «Путей...», соединивших

СВЯТОЙ МАКСИМЪ ИСТОУЕДНИКЪ

в себе академическое исследование русской богословской школы первой половины XIX века и собрание пристрастных, порой желчных, критических очерков о русских мыслителях второй половины того же столетия — Достоевском, Леонтьеве, Розанове, Толстом. Нашлось место даже поэзии Александра Блока. Эта часть книги была, разумеется, не столько о богословии, сколько о смятениях и шатаниях русской мысли. Приговор был жестоким. Отойдя от византийских начал, христианского эллинизма, запутавшись в тенетах западного пленения, русская мысль все пыталась сказать в XIX веке свое особое слово миру. Но чаще такие слова оказывались переписыванием задних страниц немецкого учебника. Оторванная от православных корней, наша претензия на оригинальность превратилась в творческое бесплодие...

Нельзя сказать, что Флоровский безусловно прав. Да, русская мысль в XIX веке была во многом заложницей немецкой. Но отрицать оригинальность в идеях славянофилов, Данилевского, Несмелова и особенно в пророческих прозрениях Достоевского — дело совершенно неблагодарное. Флоровский был прав в главном: без опоры на свои корни — а они суть византийская мысль и опиравшееся на нее древнее боговидение — русская идея и в самом деле часто работала на холостых оборотах, переходила на рельсы национального нигилизма, уничтожала саму себя. Ну и русский народ с Россией заодно.

Программа Флоровского была проста: назад — к истокам. Язык святых отцов поздней античности и Византии — вечный для Православия. И другого быть не может. Нельзя перекраивать нашу веру по модной книжке немецкого профессора и называть это русским духом. Нужна аскеза мысли, подчинение ее тем, в ком говорил Дух Святой. Чтобы началось подлинное творчество, чтобы мы могли понять, где же то действительно, оригинальное новое, которое может дать русская мысль, нужно поставить ее с головы на ноги православного предания.

«Неопатристический синтез», зачинателем коего стал Флоровский, оказался настоящей гуманитарной революцией. Церковная интеллигенция (в хорошем смысле слова) полюбила отцов, полюбила Византию. Православные мыслители начали больше читать, изучать и меньше выдумывать, торопиться излагать. Богословие стало серьезной интеллектуальной практикой, причем осуществляемой по четким правилам.

Для самого мыслителя хождение по «путям» стало драматическим столкновением с самым влиятельным и оттого особенно опасным для русского богословия направлением философской мысли — «софиологией», идеей «всеединства». До сих пор в популярных переложениях можно услышать, что основная ее особенность — это опора на «всеобщее», пренебрежение к частному, к индивидуальности. Соборность по-

рой трактуют у нас едва ли не как власть толпы. А точнее, тех, кто присвоил себе право от имени этой толпы говорить, прикрывая заботой о «всеобщем» самый беспощадный диктат злой воли, личной или групповой.

В фантазиях о «всеединстве» размывались и стирались фундаментальные границы между человеком и толпой, добром и злом, раем и адом, Богом и человеком. История оказывалась бессмыслицей. Индивидуальное существование, достоинство человеческой личности — пагубой, грехом, который надобно преодолеть. Флоровский справедливо видел в этом возрождение страшнейшего врага христианства — античного гностицизма и вступил в решительную борьбу, которая отравила многие годы его преподавания в Париже. Ректор института отец Сергей Булгаков, чьим невольным оппонентом, а порой и обвинителем выступал Флоровский, оставался к нему неизменно благожелателен. Но сторонники интеллигентской групповщины старались превратить столкновение идей в конфликт личностей. Это принесло о. Георгию немало огорчений. Зато в споре выкристаллизовались его собственные философия и богословие, являющиеся, пожалуй, одним из высших достижений русской мысли.

В центре его мировоззрения лежит идея Творения. Бытие не произрастает, не развивается из неких первоначал, а приводится из небытия творческим словом Бога. Значит, основы всего существующего не случайны, не произвольны, а положены самим Творцом. Индивидуальное, частное, личное сотворено Богом, поэтому имеет ценность в вечности. Разнообразие — не следствие отпадения благих Духов от божественного замысла, как учил древний еретик Ориген. Непохожесть — вот фундамент этого мира.

И конечная точка бытия, эсхатологический предел, состоит не в

том, чтобы личности и вещи слились в некое неразличимое бесформенное нечто, а в том, чтобы все достойное в творении во всей своей индивидуальности приобщилось к божественной жизни. «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом», — не уставал повторять Флоровский.

История рода человеческого — не цепь трагических неудач и бессмысленной маеты, но пространство решения. Каждый человек призван Богом. И дело жизни — решить, где он окажется в последней точке, на Страшном Суде. В раю или в аду, с Богом или против Него. Выбор между раем и адом — не произвольное решение Судии, а венец всей человеческой жизни, венец истории.

Его тексты делали свою главную работу не на Западе, где он был признан, а в России, где его книги и статьи распространялись в самиздате

Так временная протяженность, в которой существуют мир и человек, наполняется глубочайшим смыслом. Каждый выбирает свою судьбу, и Страшный Суд лишь закрепляет ее.

Дистанция между Богом и человеком, Творцом и творением, абсолютна. Бог творит бесчисленное множество человеческих личностей и призывает их к общению с Собой во Христе. Господь Иисус Христос, Спаситель и Искупитель — это воплотившийся Сын Божий, неустанно напоминает Флоровский. Божественная личность восприняла на себя полноту человеческой природы, стала одним из нас затем, чтобы каждый по благодати приобщился к божественной жизни.

Бог творит историю как пространство приближения человека к Нему. И Сам входит в эту историю, освящая ее. Из потока бессмысленных частных она превращается в рассказ о деяниях Божиих. Становится сакральной. Библия — собрание преимущественно исторических книг. Четыре Евангелия и Деяния — история Христа и апостолов. Даже апокалипсис — это пророческое видение Истории.

В этом открытии индивидуального и исторического — в понимании важности человеческой личности и величины события, становящегося священным, в нравственной строгости, не обещающей злодеям никакой «метафизической амнистии» (всеобщего слияния и восстановления), — непреходящая ценность богословия Флоровского. Оно ярко выражено в его работах «Тварь и тварность», «О смерти крестной», «Воскресение жизни», «Положение христианского историка», «Откровение и истолкование» и многих других. К сожалению, эти труды нашему читателю практически неизвестны. Флоровский преимущественно остается для него как язвительный критик чужого, якобы не создавший ничего своего.

«Свое» оказалось по большей части под спудом. Один раз, в 1998 году, усилиями автора этих строк, был издан сборник богословских сочинений мыслителя «Догмат и история», но его давно уже днем с огнем не сыскать даже в букинистических магазинах.

Слава Богу, сегодня есть интернет. А потому познакомиться с этими работами гораздо проще, нежели раньше. Будем надеяться, творчество одного из крупнейших богословов и философов, удивительно яркого представителя русского христианского персонализма не будет предано забвению. Как и тот революционный поворот от немецких учебников к византийским подлинникам, который оно произвело в нашей умственной жизни.

Ценз для воеводы

Дмитрий Володихин

От рождения своего Московская держава была принуждена воевать неустанно. Границы ее то и дело пылали, да и сама жизнь не раз висела на волоске. Мирное десятилетие когда-то воспринималось русским обществом как утопия: такого быть не может, потому что не может быть никогда. Наши предки неустанно дрались насмерть с кочевыми народами, поляками, литовцами, немцами, шведами, турками... Держава устояла. Но чего это ей стоило!

В XVI веке Московское государство должно было каждый год собирать и в полной боевой готовности отправлять «в поле» одну, две, а то и три армии. Если ни на одной из русских границ не велось боевых действий, год можно было называть счастливым, но войска все равно приходилось выводить — во избежание скверных неожиданностей.

Соответственно очень многое зависело от того, кому доверяли командование действующей армией.

При первых монархах Московского государства сложился порядок, согласно которому высшие посты в военной иерархии (первые воеводы действующих полевых соединений, от-

дельных полков, а также первые воеводы в крупнейших крепостях) занимали выходцы из нескольких десятков высших аристократических родов. Среди них были представители княжеской знати и старинного московского боярства. Рядовых дворян — ни провинциальных, ни московских к подобным постам не допускали.

При Иване Грозном небольшому количеству дворян, отличавшихся полководческим талантом, доверили командование полками и кое-какими крепостями. Таковы Михаил Безнин-Нащокин, Игнатий Блудов, Константин Поливанов. Однако в царствование сына, Федора Ивановича, дворян опять отстранили от власти — как военной, так и административной. Только знать! Только сливки боярско-княжеских семейств! А Василий IV сознательно восстановил абсолютное господство в воеводском корпусе той

группы аристократии, к которой принадлежал он сам — наиболее знатных князей из числа Рюриковичей и Гедиминовичей.

Этот принцип — незнатный человек не может командовать войском — свято соблюдался до второй половины XVII века.

Чистокровная рускость от аристократа не требовалась. Принципа этнической чистоты не существовало. Так, при Иване Грозном на высокие воеводские посты ставились представители «выезжей» знати. Например, «воеводичи» молдавские. Но чаще — выходцы из татарской, ногайской, северокавказской знати (князья Черкасские, Шейдяковы, Тюменские и т.п.). На Марии Черкасской сам царь был женат вторым браком.

Подобным военачальникам, не имевшим порой ни капли русской крови, давали полки и даже целые армии. Подчиняться им не счита-

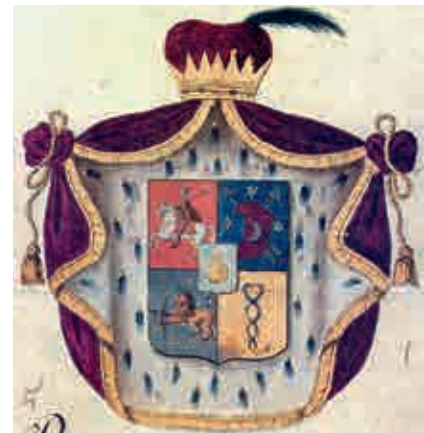
Неразрывную связь русской армии и православной церкви в XVI–XVII веках отменно иллюстрирует знаменитая, изготовленная по заказу Ивана Грозного икона «Благословенно воинство Небесного Царя». Написана в память о Казанском походе 1552 года.

Великий князь Василий Шуйский

Нерусским московское правительство могло довериться, неправославным — никогда! Эта политика проводилась с крайней жесткостью. Отступления не допускались

Герб рода князей Черкасских

лось зазорным, ибо знатность их рода не вызывала сомнений ни у кого.

Вот только при всем при этом от каждого, кто хотел продвигаться в верхний эшелон русской военно-политической элиты, требовали креститься в православие.

Те же Черкасские (северокавказский род) перешли в православие, а с течением времени совершенно обрусели. Они вообще занимали в России исключительно высокое место. Более полутора столетия — со времен опричнины до падения Годуновых — постоянно получали посты на самом пике воинской иерархии. При Василии Шуйском

их значение снижается: как уже говорилось, Черкасские были сильны тем, что являлись родней второй жены Ивана IV. Но Шуйские принадлежат к Суздальско-Нижегородскому дому Рюриковичей, а не к Московскому, для них это родство не столь уж значимо. Впрочем, и при Василии Шуйском князей Черкасских не изгнали из военной элиты. Лишь понизили их статус: им теперь доверяли командовать не армиями, а отдельными полками. Черкасские даже всерьез претендовали на русский трон во время Земского собора 1613 года, и это никого не удивляло. Давно свои, никаких вопросов...

Таков был фундамент всего государственного строя России от времен Ивана III Великого до эпохи Алексея Михайловича. Верность православию всегда, неизменно ставилась выше, нежели принадлежность к тому или иному народу.

А как же с теми выезжими аристократами, которые не желали перекрещиваться? Их ожидала куда менее завидная судьба.

Татарские «цари» и «царевичи», иными словами, чингизиды на службе у русских государей, возглавляли небольшие контингенты своих единоверцев — служилых татар. Кроме того, их время от вре-

мени номинально ставили командующими в действующей армии, но реальной власти не давали. Фактически «командующие»-чингизиды служили своего рода «украшением» русского войска. На Востоке, да и в Восточной Европе, династия Чингисхана пользовалась высоким авторитетом. Эту кровь считали «высокой», «царской». Россия не стала исключением. Чингисов род почитали и у нас. Один из служилых «царей»-чингизидов, Симеон Бекбулатович, даже всерьез рассматривался как претендент на русский престол, когда род Московских Рюриковичей пресекался.

Русское командование использовало «карманных» чингизидов в качестве своего рода «выставки достижений народного хозяйства». Участие подобной персоны в каком-нибудь походе призвано было нагнать страха на соседей и лишний раз показать могущество русского государя: раз уж ему сами чингизиды служат, то он могуч.

Но при всем при том некрещеных представителей выезжей знати, будь она хоть сто раз Чингисова рода, не допускали на заседания Боярской думы. Да и руководили русскими армиями не номинальные командующие, а вполне реальные царские воеводы, формально числившиеся в том же войске «честию ниже» чингизидов.

Можно сказать со всей определенностью: нерусским московское правительство могло довериться, неправославным — никогда! Тот же Симеон Бекбулатович получил полное признание Ивана IV, только крестившись (в уже изрядном возрасте). Эта политика проводилась с крайней жесткостью. Отступления не допускались.

Когда сей принцип начал ломаться? Довольно поздно. А именно в тот момент, когда московское правительство решило сделать ставку на формирование «полков нового строя». Иными словами, армии европейского образца.

И прежде Москве служили офицеры-наемники: шотландцы, голландцы, французы. Любили у нас нанимать на службу итальянских военных инженеров, немецких лекарей, датских мореплавателей... Представление о том, что до Петра I Россия отгораживалась от Европы, неверно. У нас с честью принимали западных специалистов, торговали с половиной европейских стран, наладили постоянное дипломатическое общение с англичанами, немцами, датчанами и т.п. Не существовало в ту пору никакого «железного занавеса». Но как в XVI, так и в первой половине XVII века присутствие иноземцев в русской армии было ничтожным. Десятки, в лучшем случае — сотни бойцов. Ничего значительного.

А вот в середине XVII столетия положение стало меняться. Царь Михаил Федорович начал, а его сын, царь Алексей Михайлович, поставил на массовую основу устройство пехоты и конницы, вооруженных по-европейски, использующих европейскую тактику и проходящих европейское обучение. Тогда, именно тогда России понадобились в изрядном количестве западные офицеры высокого ранга. Притом не на временную службу, а навсегда.

Чтобы могли учить русские «полки нового строя», руководить ими в бою, передавать опыт русским военачальникам.

Так появились в русской армии полковники и генералы, взятые на службу из Западной Европы. Им позволялось сохранить их веру. Притом католиков старались не брать, чаще имели дело с представителями разных деноминаций протестантизма. Любопытно: задолго до Петра I в Немецкой слободе, на окраине Москвы, появились три протестантские церкви, но католический храм позволил возвести только Петр Алексеевич, да и то далеко не сразу. Католиков недолюбливали, поскольку опасались, что те станут помогать старому злему врагу России — Польше. И на то имелись серьезные основания...

Но при всех конфессиональных «льготах» неправославный военачальник еще не мог входить в состав армейской элиты России. Во всяком случае ни при Алексее Михайловиче, ни при Федоре Алексеевиче, ни при царевне Софье ему не доверили бы командовать армией.

Этот запрет уничтожил лишь Петр I.

А вот оправданно ли... Большой вопрос.

П. Соколов-Скаля. «Взятие Иоанном Грозным Ливонской крепости Кокенгаузен в 1577 году»

Братских народов союз вековой

Валерий Шамбаров

В конце XVI века восточная граница России резко сдвинулась — за Урал, а затем — к Тихому океану. Зарубежные исследователи нередко сравнивают освоение Сибири с созданием западных колониальных империй. Да и отечественные историки XIX века гордо называли землепроходцев «нашими Кортесами», а Сибирь — «вторым Новым Светом». Хотя даже при беглом обзоре нетрудно увидеть коренные различия.

ЕВРОПЕЙСКИЕ завоевания обеспечивались подавляющим военно-техническим превосходством. Коренные народы Америки до прихода европейцев не знали металлических орудий и верховых лошадей. Африканцев косили пушки и ружья. Колонизаторы господствовали на морях, а их базы на побережье могли быстро вызвать на помощь мощные эскадры с десантами. Широко применялись подкуп и обман. Если вождю племени преподносили дешевые украшения, а взамен просили отпечатать палец на бумаге, мог ли он догадаться, что продает свою землю?

Небольшая Европа раскидывала щупальца на весь мир. Формировалась цивилизация-вампир, впитывавшая соки из других стран и народов. Чтобы обосновать хищничество, создавались теории о «высокой миссии белого человека»: руководить остальным человечеством, приобщать «дикарей» к культуре. Та оказывалась сомнительной. Миссионер Ксавье побы-

вал на Молуккских островах, захваченных Португалией, и писал, что знакомство туземцев с португальским языком ограничивается спряжением глагола «грабить», причем «местные жители проявляют огромную изобретательность, производя все новые слова от этого глагола».

Столь же «культурно» вели себя другие завоеватели. Голландцы за непокорство истребляли целые народы — так было уничтожено население островов Банда, Серам, Рун. А в британских американских колониях родилась поговорка: «Хороший индеец — мертвый индеец». В Северной Америке до ее «открытия» обитало несколько миллионов коренных жителей. В XX веке их осталось менее 200 000. В Индии хозяйничанье англичан несколько раз приводило к чудовищному голоду, когда вымикали миллионы.

Африку превратили в источник рабской силы. По оценкам историков, отсюда вывезли 13–15 млн подневольных. Приблизительно столько же людей погибли при транспортировке (потери в 50% считались нормальными). И примерно вдвое большее число — это жертвы войн, которые велись за захват рабов. Китай был слишком большим и многолюдным для завоевания. Но в 1840–1850-е армады британских и французских кораблей бомбардировали китайские порты, пока тамошнее правительство не разрешило ввоз опиума. Порабощали, превращая в наркоманов, и это не требовало затрат, а приносило колоссальные прибыли. Для слабых и миролюбивых аборигенов Тасмании подобных ухищрений не потребовалось. Их истребили полностью. И не в эпоху Средневековья, а в «цивилизованном» XIX веке.

Русские в Сибири не располагали подобными преимуществами. У местных народов имелись сильная конница, развитая металлургия, отличные доспехи, сабли, копья. У некоторых племен было огнестрельное оружие. Впрочем, качество

фитильных ружей землепроходцев оставляло желать много лучшего. Татарские луки оказались куда скорострельнее и по дальности боя не уступали. Сибирские племена были малочисленными, но и русских там было мало. В начале XVII века насчитывалось 2–3 тысячи служивых людей на всю Сибирь. Базировались они не по морским берегам, быстрой подмоги из метрополии получить не могли. Дорога из сибирских городов в Москву иногда занимала несколько лет. А в экспедиции отправлялось всего по 10–20 человек! Редко сотня или больше. Уходили на 5–10 лет в таежное море, и никто не знал, живы ли. Но открывали «новые земли», при-

водили жителей «под государеву руку», облагая их ясаком. Кстати, для сбора ясака к отдаленным племенам ходили чаще всего по два казака. А то и по одному. Казалось бы, стрела в спину — и ищи-свищи. Но ведь возвращались. Привозили «меховую казну», узнавали новые сведения, и на их основе снаряжались следующие экспедиции.

Дело в том, что освоение сибирских пространств вообще не было «завоеванием». Действовали иные механизмы. Ясак, строго говоря, представлял собой не дань, а службу царю. Ясачные становились государевыми служащими. Размер ясака не был обременительным. С главы семьи брали в год от одной шкурки лисицы. С крупного хозяина, имевшего много работников, — до 30–40 соболей. Для племен, промышлявших охотой, это было не тяжело. Причем служба не являлась безвозмездной: тот, кто сдавал ясак, получал за это «государеву жалованье» — ремесленные изделия, ткани.

После сдачи сибиряки обретали право свободно продавать излишки мехов. Возникали ярмарки, куда купцы привозили разные товары. Иностранцы еще в XVII веке удивлялись, как «горсть людей овладела таким громадным пространством». Ответ они давали верный: причиной успеха стало вовсе не «покорение военной силою, но по

В. Суриков.
«Шаман». 1893

убеждению туземцев и исключительно в надежде на выгоду в будущем от торговых отношений с московитянами». Впрочем, реальная картина была все-таки сложнее. Желание пускать на свою территорию чужих и платить ясак прояслялось далеко не всегда. Первое знакомство с тем или иным племенем нередко начиналось с вооруженных столкновений.

Потом узнавали друг друга, и налаживалось взаимопонимание. Способствовала этому не только торговля. Жизнь в Сибири была очень беспокойной. На селения по Оби, Иртышу, Енисею то и дело нападали степняки — калмыки, казахи, каракалпаки, киргизы. Грабили, угоняли людей, облагали данью. А Забайкалье и земли Дальнего Востока пыталась подмять китайская (маньчжурская) империя Цин. Русские в подобной обстановке становились защитниками, местные жители отбивались вместе с ними. Да и внутри Сибири постоянно кипели страсти между родами, племенами. Дрались за уголья, отбивали друг у друга скот, имущество, захватывали женщин и рабов. В таких случаях тоже обращались к русским. Просили оборонить от соседей, выручить из плена сородичей. Воеводы и отряды землепроходцев за-

ступались за своих ясачных, гасили конфликты, присылали вооруженную подмогу.

Почему же сибирские народы выбирали власть русского царя, а не степных ханов или маньчжурских императоров? Так ведь русские не порабощали. Полностью сохранялись уголья, самоуправление, верования, традиции. Ясачных категорически запрещалось обращать в холопство. Царские указы воеводам в Сибири раз за разом гласили: «Приводить инородцев под высокую государеву руку» и собирать ясак «ласкою, а не жесточью». «Держать к ним ласку и привет и бережение, а напрасные жесточи... им ни в чем не чинить... чтоб их в чем напрасно не ожесточить и от государевой милости не отгонить». К ясачным запрещалось применять смертную казнь — даже в случае восстаний. Права их строго охранялись законами.

Вслед за землепроходцами в Сибирь ехали охотники, промышленники, крестьяне. Возникали и разрастались города. Множились русские деревни. Освоение окраин поощрялось. Переселенцы получали значительную помощь от казны, земских властей. В Сибири им на обзаведение хозяйством предоставляли ссуды, семенное зерно,

лошадей. Земли можно было взять сколько угодно — сколько сможешь обработать. Но при одном обязательном условии: интересы коренных жителей нарушать было нельзя. Царские указы требовали селиться только на «порозжих» местах, а «ясачных угодий не иметь». Воеводам предписывалось: если кто-нибудь «у ясачных людей уголья пустошает», таких хозяев «сбивати долой» и даже «бить кнутом нещадно». Нередко земли, более подходящие для земледелия, оставались в распоряжении местных охотников. Крестьянам же приходилось довольствоваться тем, что осталось. В спорных случаях правительство принимало сторону ясачных. Короче говоря, история вроде покупки голландцами Манхэттена за безделушки стоимостью в несколько десятков гульденов в России не прошла бы.

Кстати, о безделушках. Списки товаров, которые русские купцы везли на сибирские ярмарки, включали: английское сукно, сермяжное сукно, холст, кафтаны, сапоги, топоры, пилы, иголки. Привозили хлеб. Всевозможные украшения занимали в этих перечнях очень скромное место. Перечисленные товары стоили в Сибири дороже, чем в европейской России, однако

В. Суриков. «Покорение Сибири Ермаком». 1895

и накладные расходы были значительными.

Специалисты оценили, что доходы купцов от этих поездок составляли 22–25%. То есть были высокими, но не сверхприбылью. Торговля не носила «колониальный» характер.

Основным товаром для ограбления (а в перспективе и для депопуляции) туземцев со стороны западных предпринимателей служила «огненная вода». В списках русских купцов ее вообще нет. В России спиртные напитки являлись казенной монополией, а правительство не поставляло их сибирским племенам. Между прочим, этим пытались пользоваться иностранцы. В XIX — начале XX века из Китая пробирались по тайге «спиртоносы», тащившие за плечами канистры с отравой. На Чукотке и Камчатке причаливали шхуны американцев. Опоив население, почти задаром тащили бесценные меха, моржовую кость и прочие дорогие грузы. Особенно катастрофичными были эти визиты в первые годы после революции, когда рухнула пограничная охрана.

Нет, русские такими приемами не пользовались. Поддержанию хороших отношений с коренными сибиряками немало способствовала специфическая черта нашего

народа — отсутствие расизма и национального высокомерия. Коренных обитателей уважали, никогда не «учили жить». Зато сами не стеснялись учиться, перенимали здешнюю одежду, виды и способы жилья, транспорта, хозяйствования. К национальным особенностям относились очень бережно.

Европейцы свалили в кучу многочисленные народы Америки, прозвав их «индейцами», а Африки — «неграми». У русских никакого обобщенного названия для племен Сибири не возникло. В докладах и переписке каждый этнос выделяли особо — «остяцкие люди», «тунгусские мужики». С бурятами отношения сложились настолько дружеские, что в документах XVII века их называли не бурятами, а «братями», «братскими людьми». А уж определение «дикари» наша интеллигенция начала употреблять лишь в XIX веке, нахлебавшись западной «культуры».

В отличие от европейских первооткрывателей русские везде сохраняли исконные названия гор и рек, данные коренным населением. Среди сибирских городов не возникло ни одной Новой Москвы или, допустим, Нового Устюга. Они получали имена по названиям здешних народов, местностей, рек: Мангазея, Якутск, Братский (бу-

рятский) острог. Разве не признак уважения?

В целом же получалось не покорение, а хороший симбиоз. Несмотря на то, что сохранялось племенное и родовое самоуправление, якуты, буряты, эвенки нередко шли судиться не к своим князькам, а к русским начальникам. Считали их более справедливыми. Поступали и на службу. Так, для охраны восточных границ было сформировано Забайкальское казачье войско — три полка составились из русских, два полка являлись бурятскими и один — тунгусским. Для коренных сибиряков не было никаких ограничений при поступлении в учебные заведения — земские школы, гимназии, реальные училища.

При Советской власти все сибирские народы получили те или иные формы автономии — республики, области, округа. Целенаправленно разрабатывались и внедрялись системы национального образования, поддерживалось сохранение и развитие национальной культуры. Результат известен. В XX веке численность народов Сибири возросла многократно. И это не считая смешанного населения. Сопоставить с судьбой индейцев Северной Америки не так уж и трудно.

«А как же повсеместное пьянство, приведшее во второй половине двадцатого столетия на грань катастрофы некоторые малочисленные народы нашей страны?» — возможно, спросите вы. Отрицать это бессмысленно. Действительно, чрезмерно либеральная политика советских властей в вопросах продажи и потребления алкоголя принесла весьма скверные плоды. Однако вряд ли в этой политике следует искать злой умысел, тем более направленный против малых народностей. В конце концов, депопуляция, негативные демографические последствия, связанные с пьянством и алкоголизмом, сильно ударили не только по ним, но и по самому большому народу бывшего СССР.

«Распространение искусства есть дело государственной важности»

Александр III

Ни эллина, ни иудея

Юлия Кудрина

Годы правления Александра III характерны не только выдающимися успехами в укреплении могущества России, но и достижениями в развитии культуры и науки. Профессор Московского университета, основатель Музея изящных искусств имени императора Александра III Иван Цветаев назвал Александра Александровича «державным покровителем наук и искусств», а художник и критик Александр Бенуа в своих воспоминаниях отметил: «Его слишком кратковременное царствование было... чрезвычайно значительным и благотворным. Оно подготовило расцвет русской культуры, который, начавшись еще при нем, продлится затем в течение всего царствования Николая II».

ПО ОЦЕНКЕ Сергея Дягилева, «Александра III можно числить среди лучших русских царей. Для русской культуры он был, может быть, вообще самым лучшим из русских монархов. Это при нем начался расцвет и русской литературы, и живописи, и музыки, и балета. Все, что потом прославило Россию, началось при Александре III». Политика монарха сводилась к сохранению и развитию российских основ, традиций, идеалов. В годы его царствования пробудилась та духовная самобытность, без которой невозможна культурно-историческая жизнь великого народа. «Народное самопознание, — писал П.П. Семёнов-Тян-Шанский, — обратилось на научное изучение той страны, в которой суждено было развиваться русскому народу».

При непосредственном участии императора в России была создана русская опера. Активно работало Русское императорское историческое общество. Было подготовлено создание русского национального театра во главе с драматургом Островским. Состоялось открытие Императорского исторического музея. Державной волей учреждено Императорское православное палестинское общество.

Историк В.О. Ключевский в речи на смерть императора отметил, что тот «покорил общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное сознание».

Понимая значение культуры в многонациональном государстве, Александр III считал, что распространение искусства есть дело го-

Карл Фаберже

МОДЕЛЬ ПАМЯТНИКА АЛЕКСАНДРУ III. 1910

«ГРИЗАЙЛЬ». 1914

«ОРДЕН СВЯТОГО ГЕОРГИЯ». 1916

сударственной важности». Особое внимание уделял возрождению национальных традиций, увековечению памяти российских государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, поэтов и композиторов, внесших большой вклад в научное и культурное развитие России, эстетическое воспитание народа.

В круг его общения входили писатели, историки искусства, коллекционеры, живописцы, скульпторы, архитекторы, музыканты...

Среди них были люди разных национальностей, которые любили Россию и всю свою жизнь работали для нее.

Известный скульптор М.М. Антокольский (1842–1902) происхо-

дил из еврейской семьи. Император сделал немало для того, чтобы его скульптурные творения навсегда остались в сокровищницах Российского государства. Критик В.В. Стасов в одном из писем Антокольскому уверял: «Государь всегда Вас любил и жаловал, всегда ставил выше других, всегда Вам давал заказы — да все какие! Самые важные

и забористые — так будет и впереди».

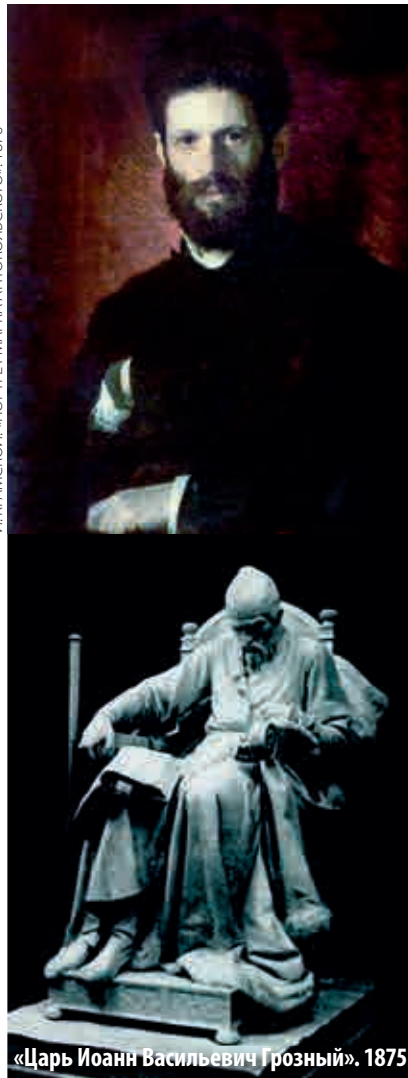
В творениях Антокольского отразилась вся наша история от XI до XX века — от Ярослава Мудрого, Нестора, Ивана Грозного до Петра I, Екатерины II и Николая II. Скульптура «Царь Иоанн Васильевич Грозный» — одно из самых выдающихся произведений. Художник представил царя и всесильным деспотом, и глубоко страдающим человеком.

«Вся душа моя, — признавался скульптор, — принадлежит той стране, где я родился и с которой свыкся... Вот почему все, что бы я ни сделал, будет результатом тех душевных впечатлений, которыми Матушка Русь вскормила меня...»

Александр III приобрел у него работы «Христос перед судом народа», «Петр I», «Нестор-летописец», «Ермак», «Ярослав Мудрый». Александр Александрович и Мария Федоровна посещали мастерскую художника в Париже, а тот очень тепло отзывался об этих визитах, произведших на него чрезвычайно благоприятное впечатление.

Антокольский считал сюжеты и темы из русской истории главными в своем творчестве: «Моя мечта — на старости посвятить последние мои годы воспеванию великих людей русской истории. Главное — эпической. Этим я начал, этим хотел бы кончить».

Марк Матвеевич ценил русское искусство и верил в его будущее. «Велика моя надежда на нашу милую, но жестокую Россию. Хорошо она начала свое искусство, и я глубоко верю, что она скажет свое собственное, свежее слово... Но я иду еще дальше, я верю, что она подействует освежающе на других. Дорога она мне тем, что старается понять человеческую душу, дух народа, его радости и горе, его настроение и стремления». Антокольский был убежден, что «потребность на искусство будет не только в Петербурге и в Москве», «искусство будет душевной потребностью

И. КРАМСКОЙ. «ПОРТРЕТ МАРКА АНТОКОЛЬСКОГО». 1876

«Царь Иоанн Васильевич Грозный». 1875

Хорошо понимая значимость для России спокойного и стабильного развития, Антокольский резко критиковал те силы, которые раскачивали страну, звали к революции

всего русского народа». Утверждал, что «именно русскому искусству предстоит великая будущность». Хорошо понимая значимость для России спокойного и стабильного развития, резко критиковал те силы, которые раскачивали стра-

ну, звали к революции: «Бедствия, которые испытывает Россия, и их последствия падут на тех, кто создает разлад между престолом и его интеллигентными подданными, кто стал лжепророком, говорящим во имя народа, и на тех, на чьей совести лежат сотни тысяч невинных смертей», «за политические идеи ведется не менее отчаянная борьба, чем за идеи церковные. Надо быть слепым, чтобы не видеть, как элементы для подобной борьбы быстро растут...»

Велика была роль Александра III и в становлении искусства Карла Фаберже. В 1885-м император назначил его на должность придворного ювелира. «Он так и остался бы известным, как замечательный мастер и прекрасный художник, — писал английский исследователь Д. Буф, — тогда как назначение на такую должность дало ему возможность стать легендарным».

Будучи французом по происхождению, Фаберже настолько впитал русский дух, что, по его собственному признанию, чувствовал себя русским человеком. По словам Буфа, «...прежде всего он был русский, и русская культура тронула его так же сильно, как и всех работавших в России людей искусства, включая иностранцев, приезжающих сюда...».

Русский стиль заметен во многих распятиях и иконах, в большом количестве традиционных предметов, сделанных Фаберже.

Тонкий знаток высокого искусства, император по достоинству оценил талант мастера. Из пятидесяти двух пасхальных яиц, изготовленных Фаберже, тридцать два были исполнены по заказу Александра III для императрицы Марии Федоровны.

В 1885 году государь пожаловал Карлу Фаберже звание Поставщика императорского двора с правом изображения в своем фирменном знаке двуглавого орла. В 1890-м художник был назначен Оценщиком кабинета Его императорского ве-

Владимир Шервуд

личества. С изменением его статуса началась новая эпоха в ювелирном искусстве — эра императорских пасхальных яиц, продолжавшаяся более тридцати лет.

Ему предоставлялась полная свобода в выборе сюжета и в исполнении заказа. Он откликался на важнейшие события в жизни России. Одним из самых впечатляющих произведений стало пасхальное яйцо «Великий Сибирский железный путь». Под изысканной скорлупой таилась точная копия транссибирского экспресса.

По заказу императора было выполнено пасхальное яйцо «Память Азова», посвященное путешествию на Восток царских сыновей — наследника престола цесаревича Николая Александровича и великого князя Георгия Александровича. Крейсер «Память Азова» был назван в честь русского боевого корабля, первого в российской истории награжденного георгиевским кормовым флагом и вымпелом (за участие в Наваринском сражении).

Через два года после смерти Александра III Карл Фаберже в его память создал пасхальное яйцо под названием «Роза». Внутри него, покрытого синей эмалью, украшенного сапфирами и алмазами, находился сюрприз — шесть миниатюрных портретов Александра

ФОТО: ИЛЪЯ ШЕРБАКОВ/ТАСС

Часовня-памятник Военной Славы героям-гренадерам, погибшим под Плевной

Александровича. Творение предназначалось императрице Марии Федоровне. Фаберже оставил потомкам еще одну ценную вещь, посвященную императору, — модель памятника П. Трубецкого, воздвигнутого на Знаменской площади. Яйцо было сделано из горного хрусталя, на вершине — из платины. Внутри помещалась выполненная из золота конная статуэтка Александра III.

В 1914 году Карл Фаберже лично вручил от имени Николая II (находившегося тогда в Ливадии) пасхальное яйцо Марии Федоров-

не — яйцо «Гризайль» (известное также как «Екатерина Великая»). В письме сестре Александре в Лондон императрица назвала подарок шедевром, а самого Фаберже — «настоящим гением нашего времени».

Пасхальное яйцо 1915 года, которое Николай II подарил своей матери, вдовствующей императрице, было связано с военной темой и деятельностью женщин Дома Романовых в организации Красного Креста. Внутри — раздвигающаяся рамка из перламутра с миниатюрными портретами дам — представительниц Императорской семьи, одетых в халаты сестер милосердия и ухаживающих за ранеными.

Скромным подарком в духе военного времени стало пасхальное яйцо 1916-го, изображающее орден Святого Георгия, который был вручен Николаю II 25 октября 1915 года. Кресты поднимались при нажатии двух кнопок, открывая миниатюрные портреты царя и его сына цесаревича Алексея. Это яйцо Марии Федоровне удалось вывезти за границу в 1919-м.

Ярким представителем русского архитектурного искусства конца XIX века был художник, теоретик, академик Владимир Осипович Шервуд (1833–1897), автор проекта Исторического музея на Красной площади и часовни-памятника Во-

КОРНЕВАЯ СИСТЕМА

Велика была роль Александра III и в становлении искусства Карла Фаберже. В 1885-м император назначил его на должность придворного ювелира. «Он так и остался бы известным, как замечательный мастер и прекрасный художник, — писал английский исследователь Д. Буф, — тогда как назначение на такую должность дало ему возможность стать легендарным».

Санкт-Петербург. Первый частный музей Карла Фаберже

ФОТО: PHOTOPRESS

енной Славы героям-гренадерам, погибшим под Плевной (в сквере у Политехнического музея в Москве). Англичанин по происхождению, внук некогда приехавшего в Россию иностранного специалиста.

Отец художника был владельцем небольшой суконной фабрики в селе Истлеево Тамбовской губернии. Там и родился Владимир Шервуд. Его судьбу резко изменила трагическая смерть отца во время пожара. В возрасте восьми лет он попал в Московский сиротский дом, а затем в Сиротское межевое училище, по окончании которого был определен в Дворцовую (Кремлевскую) архитектурную школу. Окончив ее, Владимир Осипович становится портретистом.

После пребывания в течение пяти лет на родине предков, в Англии, Шервуд возвращается в Россию. Страна, которую искренне полюбил, становится для него настоящей Родиной. В 1872-м за серию портретов он получает звание академика. Шервуд серьезно занимается теорией искусства, в том числе искусства русского. Одушевляющая идея России проходит через все его последующее творчество. Он изучал прошлое государства, его тысячелетнюю историю. Разделял систему философских взглядов поздних славянофилов и почвенников — Н.Я. Данилевского,

братьев Достоевских, Н.Н. Стрехова. Частыми гостями в его доме были С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, И.Е. Забелин.

Находился в переписке с П.И. Чайковским. Отрицая прогрессивность западной цивилизации, Владимир Осипович видел создание идеального общества на основе братства, любви и христианского милосердия. Возвращение к исходным началам русского искусства считал необходимым в построении общества будущего. Философские поиски привели его к убеждению: важнейшим видом русского искусства является архитектура. «Я бы желал сделать в архитектуре то, что сделал Глинка в музыке — возьмите все его произведения, романсы, танцы, хоры, квартеты и, наконец, оперу, вы увидите везде Глинку, и везде русскую музыку... Вот эта особенность, которую можно проследить во всех творениях Глинки, т.е. способ выражаться, и составляет стиль».

Владимир Осипович подарил России прекрасные памятники ее выдающимся деятелям: хирургу Пирогову в Москве, генералу Родецкому в Одессе, императору Александру II в Самаре... Некоторые из них дошли до наших дней. Труд Шервуда был по достоинству оценен императором, назначившим скульптору пожизненную пенсию.

Ключевский считал Русскую монархию «самой демократической из всех монархий», а философ В.Н. Ильин — и «самой прогрессивной». Россия ни в коей мере не была тюрьмой народов. Стремления монарха, писал Ильин, были направлены не только на материально-культурное обеспечение подданных, но и на обеспечение достижения ими «высокого духовно-религиозного идеала», источника «высоких культурно-творческих ценностей, которыми оправдана и отрадна человеческая жизнь на земле, та самая жизнь, которая по причине падшего состояния человеческой природы слишком часто склонна превращаться в ад».

Православная терпимость помогла самодержавию создать огромное государство — Российскую империю. В этом был залог дальнейшего развития страны и ее успехов. Д.И. Менделеев полагал: «Руководимые самодержавным единством и православной терпимостью, мы можем и должны выполнять многое из этого бесконечного, что предстоит миру еще совершить, чтобы приблизиться к идеалу общего блага».

Величайшие произведения русской культуры периода царствования Александра III — главное национальное достояние России и по сей день.

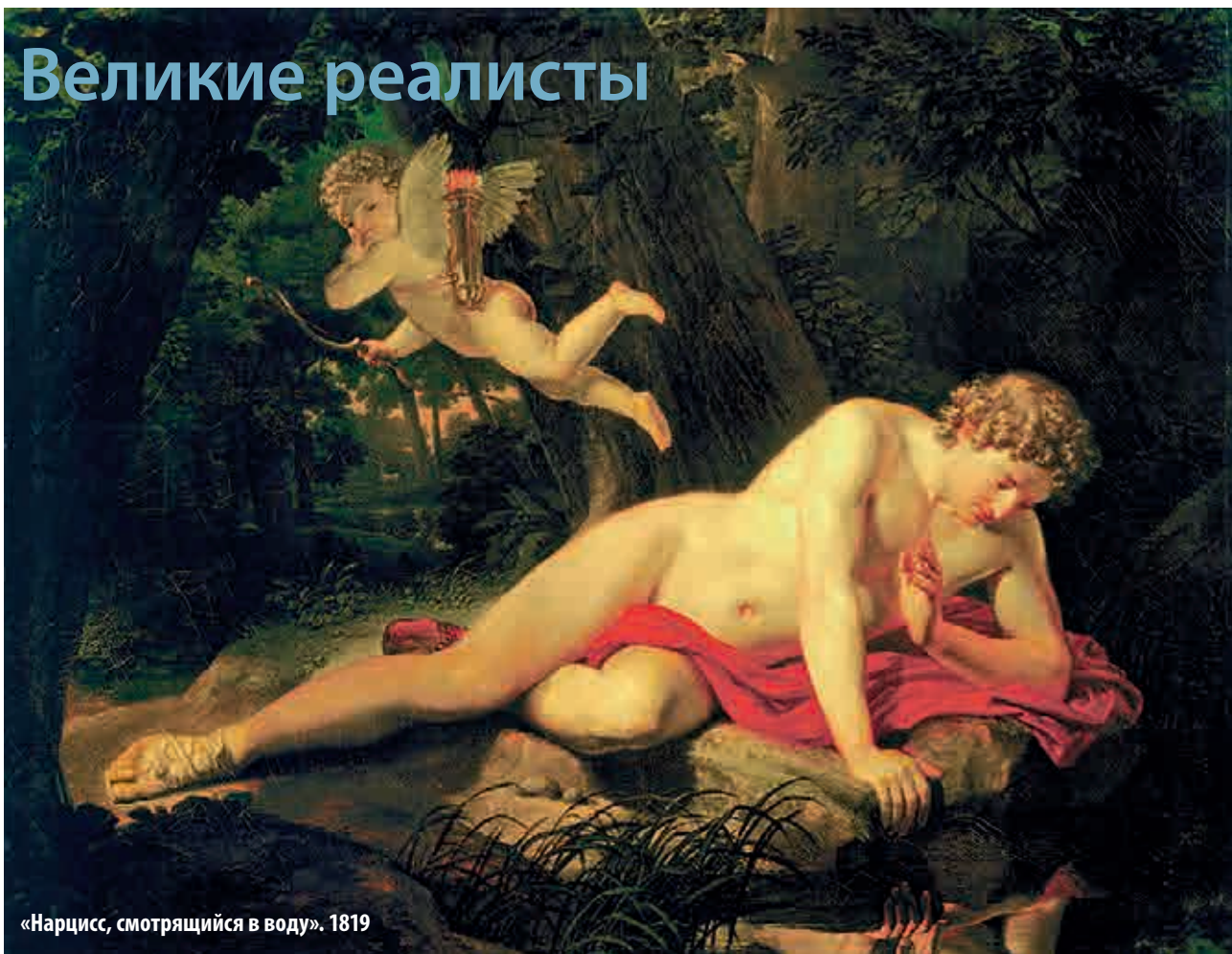

Карл Великолепный

Соотечественники восхищенно называли его «Великий Карл». Он, громко заявивший о себе еще юношей, был известен в Западной Европе не меньше, чем в России. Неброской русской красоте предпочитал средиземноморский тип внешности — о чем свидетельствуют черноволосые женские головки на его полотнах... Более десяти лет прожил в Италии и умирать уехал подальше от сырых петербургских болот. Однако в историю вошел прежде всего как выдающийся русский живописец Карл Брюллов.

Великие реалисты

«Нарцисс, смотрящийся в воду». 1819

Ксения Воротынцева

БУДУЩИЙ художник появился на свет в Санкт-Петербурге. Со стороны матери, Марии Шрёдер, у него были немецкие корни. От отца же досталась экзотическая фамилия — Брюлло. По легенде, предки по этой линии, гугеноты, некогда бежали из Франции в северогерманский Люнебург. В 1773 году первый известный представитель рода Брюлло, Георг, переехал в Петербург: его пригласили работать лепщиком на императорском фарфоровом заводе.

Будущее мальчика оказалось предопределено: дед Иоганн и отец Павел были скульпторами. Последний к тому же преподавал в Императорской академии художеств. Став воспитанником легендарного заведения, Карл сразу показал блестящие способности. Одна из студенческих работ «Нарцисс, смотрящийся в воду» (1819) так понравилась учителю, Андрею Иванову (отцу Александра Иванова, автора «Явления Христа народу»), что он выкупил ее. Виртуозно справившись с выпускным заданием, картиной «Явление Аврааму трех ангелов у дуба Мамврийского» (1821), Карл получил большую золотую медаль и право на поездку в Италию.

Из-за бюрократических проволочек путешествие чуть не сорвалось. Юный талант оказался в Риме благодаря «Обществу поощрения художников», которое взялось оплатить путешествие. А накануне Александр I пожаловал Карлу и его брату Александру, будущему архитектору, букву «в» в конце фамилии. Так они стали Брюлловыми.

Италия ошеломила художника. Он впитывал в себя южные краски и виды, стремился запечатлеть необычные типажи... Первый успех принесла работа «Итальянское утро» (1823): пряный медово-золотистый колорит, томная девушка с лицом античной богини брызгает

на себя свежей водой... По просьбе государя Николая I позже была создана парная картина — «Итальянский полдень» (1827). Эту прелестную идиллию встретили прохладнее: лицо модели сочли слишком простым, чувственные руки — коротковатыми, а саму работу — чересчур жанровой.

Уже в этих юношеских пробах есть все то, из чего впоследствии сложился индивидуальный стиль Брюллова: и классическая ясность рисунка, и контрастный колорит, и драматичные тени (почти как у Караваджо), а также интерес к индивидуальности человека. Максимально полно такие особенности воплотились в шедевре «Последний день Помпеи» (1830–1833). Например, романтический контраст: красивые, похожие на древнегреческие статуи люди и безжалостная, сметающая все на своем пути стихия. Очаровательны женские лица: современники угадывали в них черты возлюбленной художника Юлии Самойловой. В левом углу Брюллов скромно изобразил себя, молодого художника с внешностью Аполлона (что, по отзывам современников, соответствовало действительности) и ящиком с красками на голове.

Картина была восторженно встречена в Европе, но, казалось, вряд ли могла привлечь русского зрителя. Что нам трагедия многовековой давности: чужие южные лица, скорбно воздетые к небу руки, воззвания к безжалостным языческим богам... Однако работа Брюллова, ни много ни мало, совершила переворот в русской исторической живописи. Художник не стал изображать типичного героя романтических картин — всеми покинутого борца-одиночку. Вместо этого он искусно разместил на полотне людские группы. Каждую со своей историей. Вот двое сыновей, несущих старика-отца. Тот, что взрослее, опытный, побывавший в сражениях воин, младший — испуганный мальчик. В центре — разметала руки мертвая женщина, около нее хнычет младенец. Слева мужчина пытается укрыть семью от падающих с неба раскаленных камней. Рядом мать прижимает к себе двух дочерей... Ни одна из этих историй не выходит на первый план, они звучат единым ансамблем. Тридцать лет спустя Толстой в эпохальном романе «Война и мир» повторил замысел Брюллова: сделал главным действующим лицом не сверхчеловека, а народные массы. К аналогичным идеям придет и Илья Репин в живописи. Однако первым русским художником-«народником» был именно Карл Брюллов.

Неудивительно, что картина вызвала восторг и в России. Вернувшись в 1836-м на Родину (мастер был вызван императором, присвоившим ему звание младшего профессора Академии), Карл Павлович решил обратиться к национальному материалу. Он взялся за монументальное полотно «Осада Пскова

польским королем Стефаном Баторием в 1581 году», рассказывающее об отражении малочисленным русским войском атаки Речи Посполитой. Несмотря на свой бесшабашный нрав, художник подошел к делу серьезно: съездил в Псков, чтобы собрать натуральный материал. Однако картина так и не была закончена. Задумавший соединить на полотне батальные сцены с крестным ходом (что соответствовало историческим свидетельствам — на защиту города встали не только воины, но также дети, женщины и духовенство), Брюллов не смог найти удачного варианта композиции. Множество фигур, дотошно воспроизведенные русские костюмы, оружие — все это не складывалось в единую картину. В итоге к полотну приклеилось горькое прозвище «Досада Пскова».

Впрочем, локальное поражение отнюдь не означало несостоятельности Брюллова как художника. По всей видимости, тогда время масштабных картин, целиком созданных на русском материале, еще не пришло. Нашим мастерам, работавшим в рамках европейского искусства, необходимо было осмыслить и переработать западный опыт, чтобы создать нечто абсолютно самобытное. Русские и западные аристократы, изображенные Брюлловым (а он был блестящим портретистом, несомненно, одним из лучших), великолепные жанровые зарисовки, роспись купола Исаакиевского собора — все это стало основой для качественного скачка отечественной живописи, который произошел в середине XIX века. И совпал, по сути, с полноценным обретением национальной идентичности.

«Итальянский полдень». 1827

Страна мастеров

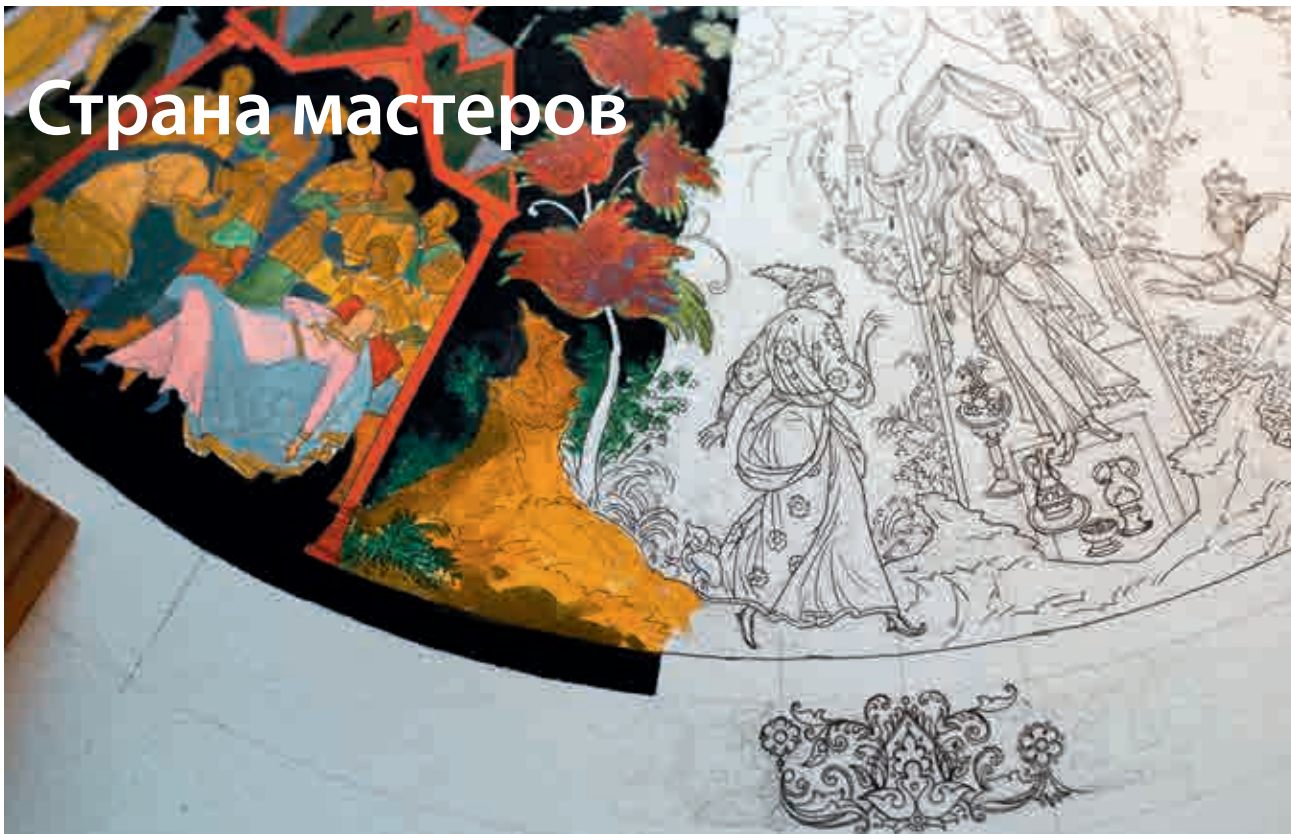

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Россия в миниатюре

Тамара Церетели, Ивановская область

5 декабря исполняется 90 лет палехской лаковой миниатюре — промыслу, который Горький называл маленьким чудом, созданным революцией.

В начале был Адам

Рукотворного чуда и вправду не было бы, не свершись революция. До прихода Советской власти палешане лаковых шкатулок в глаза не видели. Зато иконы писали без устали. Когда здесь начали заниматься религиозным искусством, неизвестно, первые сохранившиеся образцы датируются концом XVII века. В следующем столетии палехская иконопись достигла расцвета, а местные мастера, по совместительству крепостные крестьяне, с позволения господ стали колесить по всей стране. Силами жителей затерянного в лесах села были восстановлены фрески в Софии Новгородской, Троице-Сергиевой лавре, соборах Владимира и Московского Кремля. Роспись Грановитой палаты — тоже их рук дело. Да и на малой родине трудились не покладая кистей. Иконы создавали дорогие, работали только на заказ. А вот у коллег из села Холуй (теперешнего соседа по Ивановской области) продукция была не столь искусной — до сих пор не без гордости говорят в Палехе.

Как бы то ни было, после Октябрьского переворота с иконописью пришлось распрощаться всем, независимо от уровня мастерства. Художники остались с носом. И с не очень плодородными землями. От безысходности в Палехе начали расписывать мебель, деревянную посуду, даже коробки. Однако из-под рук виртуозных мастеров выходили аляповатые вещи. Вкус покинул палешан, муза — тоже. Бывшие иконописцы стали плести лапти, оформлять

ФОТО: ЛЮДИМИЛА ПАХОВА/АГАС

лены на всероссийской художественно-промышленной выставке, а два года спустя на Всемирной выставке в Париже они получили Гран-при. Для того чтобы экспонироваться во французской столице, надо было создать артель. Что и было сделано 5 декабря 1924 года. С тех пор эта дата считается днем рождения палехской миниатюры.

В новоявленное объединение вошли семь иконописцев. Организацию назвали «Палехской артелью древней живописи», демонстративно подчеркивая преемственность традиции. Те же яичная темпера и твореное золото, та же условность в изображении человеческой фигуры, такая же изящность письма... Правда, иконописными методами теперь создавали совсем не тех персонажей, что раньше. Получались колхозники с ликами святых.

Что до сюжетов, то названия говорят сами за себя: «Время красных зорь», «Ленин», «Страна моя, рожденная Октябрем», «На баррикадах», «Показательный суд над Бабой-Ягой, Лешим и Ведьмой». Но классикой Палеха стали тройки, жар-птицы, пахари, жницы, герои сказок Пушкина. Кстати, жар-птицы с тройками и сегодня хит продаж.

сельские клубы, кто-то сделался чертежником, кто-то — сапожником.

Так продолжалось до тех пор, куда подавшийся в Москву художник Иван Голиков случайно не наткнулся на федоскинскую миниатюру. Историческая «встреча» произошла в Кустарном музее, где выставлялась шкатулка из папье-маше. Голиков попросил у руководства музея полуфабрикат для росписи, но ему отказали, обзвав «богомазом». Тот не сдался, нашел в московской мастерской своего родственника Александра Глазунова, тоже выходца из Палеха, фотографические ванночки из папье-маше и приступил к работе. Первая композиция — «Адам в раю» — была написана исключительно твореным золотом, столь родным для иконописца.

Глазунов, впечатленный произведением свояка, отнес «Адама» в Кустарный музей. Там, узрев райские кущи, сразу же изменили мнение о «богомазе» и начали выдавать ему полуфабрикаты из Федоскина. Голиков расписывал шкатулки, сдавал в музей, тот их продавал, и весьма успешно. Советником художника, ступившего на скользкий лаковый путь, стал искусствовед Анатолий Бакушинский, ориентировавший его на многоклеимовые палехские иконы XVIII века. Миниатюрное письмо, которым отличались старые творения, и легло в основу нового искусства.

За Голиковым потянулись другие палешане. Уже в 1923-м шкатулки в иконописном стиле были представ-

Золотая курочка

Дальше для миниатюры наступили времена почти сказочные. Артель, переименованную в «Товарищество художников Палеха», включили в систему Союза художников СССР. Потом организацию преобразовали в Палехские художественно-производственные мастерские Художественного фонда РСФСР. И это в то время, когда остальные предприятия народных промыслов относились к местной промышленности.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: ГЕННАДИЙ ПОПОВ/ТАСС

Палех всегда стоял особняком. Даже среди промыслов. Здешние мастерские считались самыми благополучными в системе Союза художников. В «золотые годы» — в 1970-е, в начале 1980-х — около 80% изделий шло на экспорт. «Это была курочка, несущая золотые яйца», — вспоминает Александр Ковалев, художник, 15 лет возглавлявший Палехские мастерские (с 1974-го по 1989-й). — К нам и относились по-особому, поскольку мы приносили государству валюту».

Альвиная доля шкатулок шла в Америку. Там Палех продавался в художественных салонах, в среднем по 500 долларов за изделие. «Доллар тогда официально стоил 60 копеек», — ностальгирует Ковалев. На родине такие вещи купить было куда сложнее — если только в «Березках» да в некоторых художественных салонах. Зато обкомы, облисполкомы и иже с ними заказывали изделия регулярно. Не отставало и Управление делами ЦК КПСС. Например, попросили оттуда как-то изобразить дорогого Леонида Ильича на охоте, прислали массу фотографий генсека на отдыхе. «Уж не знаю, кому такой подарок преподнесли. Мы просто сдали, и все. А вообще нам пришлось, наверное, всех партийных

деятелей написать», — рассказывает бывший директор мастерских.

Говорят, с наступлением перестройки у палешан сработало коллективное бессознательное: художники кинулись писать райские сады. Но очутились в сумрачном лесу. Государство стало загонять Палех в рамки промышленного предприятия, спускать разрядки. «Мы до этого сами план составляли. С 30-х годов уклад был выверен, а они всю систему начали ломать, — негодует Ковалев. — Заводской принцип навязывали. Это когда одни создают образцы, а другие копируют. У нас же никогда не писали копий — только авторские работы». По мастерским пошла трещина, масла в огонь подливал пьянящий дух свободы. В итоге команда раскололась, и мастерские распались. Затем грянули 90-е...

«Паленый» Палех

Сегодня в Палехе несколько предприятий, занимающихся лаковой миниатюрой. Но ни одному из них и не снилась слава почивших мастерских. Художники получают мизерные деньги, в среднем три-четыре тысячи рублей в месяц.

«Предприятие — лишь форма легализации, например, если

человеку нужна трудовая книжка», — говорит художница Наталья Козлова, директор «Товарищества Палех». Мастера в основном сидят по домам и выполняют частные заказы.

От обычных туристов толку мало. Восхищаются, но, увидев цену, открывают рот — дорого. Скажем, средних размеров шкатулка с тонким письмом обойдется примерно в десять тысяч рублей. Брошь — в две тысячи. Снизить цену предприятия не могут: и художнику надо дать денег за каторжный труд, и налоги заплатить. А они такие же, как, например, у нефтяной компании — льготы на народные промыслы не распространяются. К тому же надо держать традиционную планку — не прошедшие худсовет изделия возвращаются на доработку. «Художник пойдет и сдаст шкатулку в сувенирный магазин, чтоб не мучиться», — описывает Наталья Козлова следующий шаг мастера. А если это начинающий творец, то он сто раз подумает, стоит ли овчинка выделки. После училища ему надо минимум пять лет горбатиться над шкатулками, чтобы достичь какого-то уровня.

Раньше выпускники Палехского художественного училища, основанного еще в 1928 году, прямоком направлялись в мастерские. И продолжали образование с помощью метода «подсадки» — это когда «салагу» сажали с опытным работником, дабы первый трудился под присмотром. Теперь студенты выпускаются «в никуда».

«Им бы еще несколько лет стажироваться, а они уже сдают работы перекупщику — без всякого художественного совета, — кипит директор училища Михаил Белоусов. — Но главное — молодые уходят в иконопись. Есть опасения, что миниатюра погибнет». «Если так продолжится, столетие Палеха будем отмечать не выставками художников, а музейной экспозицией», — добавляет Василий Макашов, председатель

Палехского отделения Союза художников.

Палехская миниатюра неумолимо возвращается к истокам. Художники формируют бригады и отправляются расписывать храмы — от Магадана до Калининграда. Получают неплохие деньги. Раньше ездили только мужские бригады, теперь — уже и женские. «Сначала у всех были иллюзии: вот порисуем немного, заработаем и вернемся к миниатюре, — говорит Наталья Козлова. — Но это практически невозможно. Тут другой образ мыслей. Засесть за миниатюру физически тяжело: она требует усидчивости, напряжения. Хорошо, если росписью храмов занялся

Грановитая палата в Кремле

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

состоявшийся художник. Он еще сможет работать в миниатюре, а молодые — уже нет. К тому же миниатюра — занятие творческое, сам придумываешь сюжет, композицию. В иконописи все регламентировано и за канонические рамки не выйти. Представьте: молодому миниатюристу раз вернули с худсовета произведения, второй... На третий он плюнет и поедет на росписи. Там вручат банку с красками, и будет с утра до ночи вести одну линию. Хорошо, если ему когда-нибудь дадут лик написать».

«То, что сейчас делается — не палехская школа иконописи, — сетует Алевтина Страхова, директор Государственного музея Палехского искусства. — Художники к ней не обращаются, пишут на заказ. Палех ведь всегда был замкнут, поэтому и выработались стилевые особенности. Здешняя икона — миниатюра. В сущности, ее просто перенесли на другую поверхность — лаковую».

Еще одна напасть — подделки. Большая часть «палехских» изделий, продающихся в России, не имеют к селу в Ивановской области никакого отношения. «Несколько лет назад шла в Москве по переходу, а там «палехом» торгуют, — вспоминает Страхова. — Смотрю: одна шкатулка 257 рублей стоит,

другая — пятьсот, третья — уже тысячу. Спрашиваю: «По какому принципу цены выставляете?» Объясняют: «Понимаете, в Палехе пишут целой семьей. Если ребенок написал — дешевле, взрослый — дороже». Мне дурно стало. Естественно, шкатулки не из папье-маше, а пластмассовые, и никакая это не роспись, а наклеенная картинка, покрытая лаком. В нижегородском магазине народных промыслов как-то видела произведения, подписанные нашим художником Валентином Ходовым. А он умер четверть века назад... Мы очень долго тянули с выпуском справочника «Художники Палеха». Им ведь пользуются, чтобы палехскую фамилию поставить на подделку».

Настоящий Палех конкурировать с «паленым» не может. Если на месте производства шкатулка продается за десять тысяч, в московском салоне стоит все двадцать, а в соседнем магазине — всего тысячу... В итоге изделия возвращают палехским предприятиям — слишком дорого.

«Вообще удивительно, что мы еще существуем, — смеется Наталья Козлова. — С другой стороны, уже лет двадцать говорим: ну все, конец, хуже некуда. А промысел жив».

История одной песни

Хасбулат, can you see*...

Андрей Самохин

В истории этой песни, ставшей народной, есть место и «политике России на Кавказе», и национальным героическим архетипам, и вечной драме человеческих страстей: любви, ревности, поруганной чести, противостоянию молодости и старости, злата и булата. Нашлась здесь ниша и для исторического анекдота.

И СЕГОДНЯ многие наши соотечественники, не задумываясь, закончат предложенную начальную строчку: Хасбулат удалой... — бедна сакля твоя. Правда, спеть «Хасбулата» целиком смогут далеко не все. А ведь еще лет двадцать назад редкое продолжительное застолье обходилось у нас без хорового, иногда нестройного, но непременно задушевного исполнения этой песни, наряду с сакраментальными «Степь да степь кругом», «По диким степям Забайкалья»...

То самое состояние, когда «душа разворачивается», сливаясь с другими в русской удали и печали.

Чем же так пленила нас история про классический любовный треугольник в горско-романтическом антураже? Прямого ответа нет и быть не может. Тайна народной души, она и есть тайна.

Однако нелишне знать кое-что про авторов и исторический фон создания песни. Благо история сохранила подробности. Изначально «Хасбулат удалой» был стихотворением «Элегия», впервые опубликованным 16 ноября 1858 года в одном из самых тиражных тогда журналов «Русский инвалид». Автор, действующий на тот момент офицер Александр Николае-

---

*can you see — «видишь ли ты» — слова из первой строчки американского гимна

вич Аммосов (1823–1866), — весьма примечательная личность. Сын изобретателя системы отопления Зимнего дворца («аммосовских печей») генерал-майора Н.А. Аммосова, он — современник Пушкина и Лермонтова — еще в гимназии начал сочинять стихи. Окончив Петербургский университет, самостоятельно избрал военную службу, поступив юнкером в Люблинский егерский полк.

Стихосложение продолжил в годы Кавказской войны, во время которой ему встретился Константин Данзас, лицейский товарищ и секундانت Александра Пушкина, отсидевший перед этим два месяца в Петропавловке за недонесение о поединке своего великого друга. Зато он многое рассказал о причинах и обстоятельствах дуэли сослуживцу Аммосову, о чем тот написал позже в книге «Последние дни жизни и кончина А.С. Пушкина».

В Кавказской кампании штабс-капитан Аммосов был ранен и награжден золотым оружием «За храбрость». Он так же честно исполнял свой воинский долг в Венгерском походе (1849), в Крымской войне, участвовал в подавлении Польского мятежа 1863 года. Впоследствии, выйдя в отставку, служил управляющим Палатой государственных имуществ Волынской губернии.

Будучи неистощимо остроумным и веселым человеком, Александр Николаевич сочинял экспромты и эпиграммы, публиковался в сатирическом приложении к «Современнику» под названием «Свисток», участвовал в коллективном творчестве Козьмы Пруткова. По некоторым данным, его перу принадлежит прутковская басня «Пастух, молоко и читатель». К некоторым стихам Аммосова охотно писали музыку известные композиторы. Например, К.Н. Лядов, сделавший в 1879 году из аммосовского «Колокольчика» («И простился и помчался...») популярнейшую ямщицкую песню. Писал романсы

Александр Аммосов

на стихи Аммосова и М.П. Мусоргский.

Но так уж вышло, что перекрыть известностью все остальные произведения Александра Николаевича смог романтический «Хасбулат», положенный на музыку русской фольклористкой и этнографом

Нашему народному сознанию, безусловно, претит убийство женщины, пусть и неверной. Но подкупает сердечная прямота слов и действий Хасбулата

Ольгой Христофоровной Агреновой-Славянской в 1890-е годы.

Точнее говоря, она, составительница двух сборников народных песен, лишь обработала уже устоявшуюся к тому времени мелодию. Впоследствии «Хасбулата удалого» пели многие знаменитые вокалисты.

Что за сюжет у песни? Русский князь, явно воевавший на Кавка-

зе, предлагает пожилому абреку Хасбулату большой выкуп за соблазненную молодую жену. Предложение, хоть по кавказским, хоть по русским, тем более дворянским меркам, — неприличное. В ответ оскорбленный седой джигит предлагает князю поберечь казну и забрать свою любовницу с кинжалом в груди. В финале соперники в трагическом онемении слушают, как «играет река перекатной волной».

Народу такой элегической концовки показалось мало, и он дополнил сюжет срубанием головы у ревнивого горского мужа и последующим самоубийством князя. Также в народном варианте исчезла точная географическая примета — река Яман-Су (почеченски — Ясси), на берегу которой совершилось соблазнение юной «черкешенки». Ушли также сочные детали выкупа, предлагавшегося князем: конь с кабардинским тавром (самый ценный подарок), «кинжал Базалай» (изделие прославленного рода кумыкских мастеров, через века пронесшего секреты хазарского булата), галуны по краям бешмета (как правило, серебряные — знак особого достатка и молодечества владельца). Все это великолепиие, описанное штабс-капитаном Аммосовым со знанием дела, в позднем народном варианте заменяется лаконичным: «Дам коня, дам кинжал, дам винтовку свою».

Интересно, что при всей «неоднозначности» ситуации (нет ни правых, ни виноватых) симпатии русского слушателя склоняются на сторону оскорбленного горца. Нашему народному сознанию, безусловно, претит убийство женщины, пусть и неверной. Но подкупает сердечная прямота слов и действий Хасбулата. При этом искренне жаль молодого русского князя, ослепленного не только страстью, но и гордыней, иллюзией своего всемогущества.

Песня «зацепила» народное бессознательное не только вечными

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕСНИ

романтическими страстями, но и тонко обозначенными взаимоотношениями этносов и культур. Тут накрепко сплелись цивилизационное отталкивание и неодолимое притяжение «настоящих джигитов». Недаром русские офицеры, провоевавшие много лет на Кавказе, не только начинали одеваться как горцы, но и становились «кавказофилами». Не могли не замечать лучших русских качеств и кавказцы. Что, впрочем, не мешало ни тем, ни другим до поры до времени упорно и яростно сражаться...

Ну а теперь вкратце про обещанный исторический анекдот. Некоторое время назад Рунет вскипел очередной сенсацией. Утверждалось, что американцы некогда украли мелодию своего национального гимна «Знамя, усыпанное звездами» (The Star-Spangled Banner) у авторов «Хасбулата». Прослушивание роликов с двумя песнями действительно подтверждает их поразительную мелодическую близость. Однако обращение к историческим фактам в какой-то мере снимает проблему.

Хоть и был американский гимн впервые исполнен в привычном для всех звучании лишь в 1889 году, его музыку создал британский композитор, органист и певец Джон Стаффорд Смит еще в 1766-м, на основе

Фрэнсис Скотт Ки

старой английской застольной песенки — шутливой гимна лондонского клуба музыкантов «Общество Анакреона». Как широко узнаваемая американская «фирменная вещь» — на слова поэта Фрэнсиса Скотта Ки — она проявила себя лишь во второй половине XIX века.

Спрашивается, могла ли музыка русской народной песни нечаянно совпасть с американским гимном? Почему бы и

Джон Стаффорд Смит

канские моряки ходили с ответным дружественным визитом в Санкт-Петербург. Им устроили теплейший русский прием с поездками по всей стране. Разумеется, во время многочисленных и обильных приемов с застольями американцы много и дружно пели хором. Одна из звучных и несложных для распева мелодий вполне могла породить в душе какого-нибудь нашего уездного музыканта искру, соединившуюся потом счастливой вспышкой с текстом «Элегии» Александра Аммосова.

Или наоборот: американцы, услышав нашу народную песню, могли использовать в дальнейшем ее ритмику, трагическую торжественность, то, что они называют «саундом», — для создания собственного национального гимна. Послушайте «исходник», песенку «Общества Анакреона», и сравните это довольно бледненькое произведение с «Хасбулатом». Какое из них больше подходит для главного национального песнопения? То-то и оно!

Как бы то ни было, песня обрела русскую судьбу и переживет еще века. Кстати, недавно в украинском сегменте Рунета довелось наткнуться на виртуальный сборник, где (вот уж не знаешь — смеяться или плакать) «Хасбулат удалой» значится как «народная украинская песня»...

ФОТО: PHOTOPRESS

нет: близость мелодий через века и народы — вещь нередкая. При этом можно указать и на другой возможный вариант. Российская империя во время гражданской войны в Америке поддержала северян, призвав две военные эскадры — в Сан-Франциско и Нью-Йорк. После победы над конфедератами амери-

И «ежик» мой со мною

Начало настоящей зимы в России — это морозец, солнце и первая твердая пороша после межсезонной мокрятины. Для охотника — выход на зайца или лису с вороненым стволом верной «ижевки» за плечами... Нет, конечно, возможны и другие варианты — начиная от дичи и заканчивая маркой «ружья». Для меня же многие годы — именно так, а не иначе. Собираясь в Тверскую губернию, к знакомому егерю Степанычу, отмеряя дробь и порох, утаптывая пыжи, любовно поглядываю на свежесмазанное ружьецо. ИЖ-27М, 16-го, стало быть, калибра. Подарено оно давненько, в середине 80-х. «Вертикалка» с классическим чоком и получоком* прославлена уже несколькими поколениями охотников.

Вадим Глеков

ПОСЛЕ пары начальных сезонов пришлось, опираясь на собственный опыт и советы бывалых, слегка повозиться над модернизацией «ежика» (так ласково называют ИЖи их владельцы). Подтесал под себя приклад, подтянул пару пружин, покумекал еще кое над чем по мелочам. Зато после — ни единой серьезной поломки, при том, что ружье падало в воду и в снег, билось о деревья и вообще эксплуатировалось безжалостно. Все прежние промахи и осечки — исключительно на совести охотника, то есть меня.

Верные поклонники «тулок» станут доказывать, что культовое тульское ружье ТОЗ-34 и его модификации (и даже многие новые марки ИЖа) по ряду параметров значительно лучше. Спор старый и давно, словно шкурка русака, полинявший. Ибо, полагаю искренне, ни один действующий охотник не променяет ствол, к которому привык, на более «продвинутый». Конечно, у «крутых рейнджеров» дома существенно побогаче: целый арсенал стволов, включая престижную «Беретту» или «Бенелли». Правда, у многих из них охотничья «крутость» ограничивается дежурным выездом раз в три года, с большой пьянкой и редкой стрельбой. А то и просто грутально-постановочным интерьером на фоне купленной медвежьей шкуры.

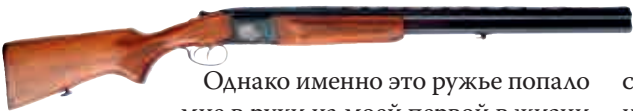
Доводилось мне стрелять и из «тулок», и из ИЖ-58, и даже из воспеваемого некоторыми с придыханием тевтонского «Зауэра». Хорошее оружие. Но свой «ежик» все равно ближе.

Ижевским подарком счастливо обзавелся на его родине — в оружейной столице России. Армейский друг, с которым в начале 80-х служили на Дальнем Востоке, пригласил однажды на охоту в родной для него город. Тогда же влюбил меня не только в охоту, но и в Удмуртию, заинтересовав попутно богатой историей тамошних заводов. Их, основных, — два.

В отличие от Ижевского машиностроительного (ИЖМАШа), ведущего историю с давних времен, прославившегося выпуском «берданок», трехлинеек Мосина, АВС, СВТ, а после войны — легендарными АК и АКМ, — Ижевский механический (ИЖМЕХ) гораздо моложе. Основан был летом 1942-го на мощностях эвакуированных Тульского оружейного и Подольского механического заводов. Всю войну отсюда потоком шли на фронт противотанковые ружья Дегтярева и Симонова, автоматические пистолеты Токарева (ТТ). После войны на заводе стартовало производство всемирно известного пистолета Макарова. А также, что особенно важно, гладкоствольных охотничьих и спортивных ружей — «ижевок». (ИЖМАШ почти полностью переключился в оружейной тематике на «калашниковых» и охотничье нарезное оружие — карабины «Лось», «Медведь», «Барс», позже — «Сайга».)

Охотничьими легендами за почти полвека выпуска обросла однозарядная одностволка — Иж-18, ныне производимая и в нарезном варианте. Исключительно надежное и простое ружье стало образцовым для поклонников «строгого» стиля охоты, согласно которому в цель надо попадать с первого выстрела, давая дичи шанс «победы над охотником». Понятно, что на крупного зверя такое оружие не годится. Да и с точки зрения «добычливости», особенно для начинающих, это далеко не самый лучший вариант.

Однако именно это ружье попало мне в руки на моей первой в жизни охоте. Добывали в сентябре рябчика в лесах у реки Иж. Втроем — с товарищем и его дядей, заправским охотником, коренным удмуртом Митреем Ивановичем.

«Ти-уу-ти-ти...» — самодельным манком из косточки подзывали по очереди самцов из зарослей. Через тернии многочисленных промахов удалось мне таки «взмыть к звездам» — подстрелить свою первую добычу. Надо ли говорить, что у более опытного компаньона в рюкзаке к тому времени было уже три, а у его дяди — все пять лесных кур!

Увидев, что, несмотря на синяк на щеке от приклада, новичок загорелся охотой, приятель повел меня в «фирменный» заводской магазин. Рассматривая ружья, трудно было не прилипнуть к двадцать седьмой модели: такой она мне показалась ладной и складной. Стоило ружье неподъемно для меня, тогдашнего студента. Но радушные хозяева, видимо, заранее сговорившись, сделали царский подарок, обняв получить охотбилет по возвращении в Москву.

С тех пор на добрейшей удмуртской земле я бывал нередко, полюбив ее природу и, конечно же, народ. Много интересного довелось узнать о его истории и быте. Например, то, что изначально удмурты жили в западном Предуралье, на холмах между Вяткой и Камой. То есть там, где, по мнению многих ученых, была колыбель всех финно-угорских народов, расселившихся потом по Европе. Что удмурты делятся на северных и южных: у первых ощутимее русская «жилка», у вторых — тюркская, так как они дольше оставались под властью Золотой Орды. Что

северные удмурты произносят на своем языке русское «да» как «бен», южане — «бон». Поэтому их шуточно так и называют: бены и боны. Но, пожалуй, самым известным удмуртским словом стало «пельнянь» («хлебное ухо») — «прототип» всем известного пельменя.

Хоть и никогда не ссорились удмурты с русскими, тем не менее царь Алексей Михайлович в указе по поводу Вятской земли (именно ее ядром была тогда Удмуртия) сделал примечательное предупреждение, на всякий случай: «Вотяков во всем от русских людей оберегать, чтобы им никаких обид и налогов чинимо не было». Видимо, предчувствовал государь Всея Руси, что одним из драгоценных камней, да еще и стратегического, оружейного значения, станет эта земля в российской державной короне...

Впрочем, манит сейчас другая — тверская лесная сторона. Ранний ужин с чаем у Степаныча. (Перед охотой — никакой

водки!) А потом, еще затемно, при бледнеющих звездах — выход на нелегкое, но увлекательное дело — тропление** зайца по первой пороше. Лишь бы погода не подвела. При сильном морозе хрустящие шаги по насту пугают ушастых, а если все раскиснет — где уж там сыскать следы нежных лапок... Однако на такой случай есть и запасной вариант...

«Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня, и рысью по полю при первом свете дня», — писал Пушкин. Сейчас вместо коня — верный «УАЗ-Патриот». Свору борзых, увы, не нашёл. Зато есть запас отличных латунных гильз, недорогая китайская «оптика» к ружью и, как элемент роскоши, фирменная зимняя одежда с подогревом. Егерь Степаныч, обходящийся ватными штанами и телогой с лопоухой ушанкой, все время подшучивает над этим заморским «прикидом». Думаю, втайне завидует. Надо будет как-нибудь собраться с деньгами и подарить ему такой же...

ХУДОЖНИК НИКОЛАЙ КОЛЕЙКИН

*Чок и полчок — внутренние изменения диаметра в конце стволов, для большего и меньшего разлета дроби при выстреле.

**Тропление — выслеживание зайца по его запутанным следам на неглубоком снегу. Требуется от охотника большого внимания, терпения и знания заячьих повадок.

Красная капелла. Швейцарская гастроль

Владимир Перекрест

5 ноября, аккурат в День военной разведки, исполнилось 115 лет со дня рождения легендарного разведчика, известного венгерского ученого-географа Шандора Радо. Возглавляемая им группа Дора (от перестановки слогов фамилии резидента) передавала советскому командованию важнейшие сведения о замыслах противника. Это помогло решить в нашу пользу исход ключевых сражений Великой Отечественной войны — битв под Москвой и Сталинградом, а также на Курской дуге.

МОСКВА, Арбат, ресторан «Прага». 1934 год. За столиком двое. Высокий синеглазый красавец в отлично сидящем костюме и полноватый, несколько медлительный мужчина в круглых очках и мешковатом пиджаке. Они только что случайно встретились и после крепких объятий оживленно разговаривают — видно, что старые товарищи. Не знают еще, что это их последняя встреча. Пройдет несколько десятилетий, и их имена станут известны чуть ли не всему миру. Первый — немецкий журналист и советский разведчик Рихард Зорге, его собеседник — венгерский коммунист и интеллектуал Шандор Радо, который через год начнет свой путь в разведке РККА. Лишь через много лет после Победы Радо узнает, чем на самом деле занимался его приятель. А вот Зорге, возможно, был осведомлен о судьбе, уготованной товарищу. В Генштабе РККА давно интересовались этим венгром — убежденным коммунистом с обманчивой мелкобуржуазной внешностью.

Радо вырос в небогатой семье. Однако родители вышли из социальных низов, и парень знал, почему она, копеечка. Взрослея в рабочем Уйпеште, носил красный шарф в знак солидарности с революционным пролетариатом. Несмотря на тревожное время, родители дали сыну блестящее образование. Помимо занятий в гимназии, он брал еще уроки музыки и иностранных языков — немецкого, французского и английского, а позднее самостоятельно изучил итальянский и русский. Но настоящей его страстью была география, особенно картография. Только всерьез заняться наукой все никак не получалось.

После гимназии — офицерская школа. Затем — комиссар в революционных частях, активное участие в создании Венгерской советской республики, после ее падения — эмиграция в Австрию. Там вместе с 18-летним Константином Уманским, направленным наркомом просвещения Луначарским в Европу для пропаганды советского образа жизни, создает информ-агентство РОСТА-Вена, в котором публикует сводки из Москвы — о том, как живет молодая советская республика, о положении на фронтах Гражданской войны.

В начале 30-х Радо перебирается во Францию, где создает независимое агентство печати Инпресс, публиковавшее сообщения о том, что творится в Германии. Информацию добывали разными путями, в том числе и нелегальными. В редакции работало много известных людей, в частности симпатизировавший Советскому Союзу эмигрант Владимир Познер, отец популярного ныне телеведущего. Вскоре об агентстве узнали не только во Франции, но и в Германии. Нацистские газеты не скупилась на угрозы. Но что такое настоящая слава, Радо и его товарищи почувствовали, когда в одном из своих выступлений сам фюрер назвал Инпресс особо опасным идеологическим противником рейха.

Шандор Радо родился в Уйпеште (ныне в черте Будапешта). Доктор географических и экономических наук (1958). Профессор, заведующий кафедрой (1958–1966) университета экономических наук им. Карла Маркса в Будапеште. Председатель Комиссии по тематическому картографированию Международной картографической ассоциации (с 1972-го). Лауреат Государственной премии ВНР (1973). Награжден орденами СССР и ВНР.

В 1935 году начальник разведуправления Красной Армии Семен Урицкий лично напутствует Радо перед отправкой на нелегальную работу. Он уверен, что война с Германией неизбежна, поэтому страна пребывания должна находиться рядом, но при этом быть не слишком вовлеченной в военные действия. Почему-то выбор пал на Бельгию, но тамошние чиновники не разрешили Радо открыть частное научно-картографическое агентство. Пришлось действовать по «плану Б» — обосноваться в Швейцарии. Годы войны показали: лучшей базы и придумать было нельзя — в нейтральной стране немецкая контрразведка чувствовала себя

далеко не так вольготно, как на оккупированных территориях.

Успех группы Дора объясняется чрезвычайно сильным подбором агентурной сети и информаторов. Дипломаты, офицеры союзных Гитлеру армий, множество журналистов... Добываемые ими сведения были ценны, но настоящий фурор в Центре произвели донесения Рудольфа Рёсслера (псевдоним «Люци»). Противник нацизма, после прихода Гитлера к власти он эмигрировал в Швейцарию. Его друзья, оставшиеся в Германии, занимали видные посты в армии и в МИДе. Они поставляли ему важную информацию, что-то он «сливал» швейцарским секретным службам, более значимые сведения

Женева. Конец XIX — начало XX века

Рудольф Рёсслер

имела достаточного опыта. Однажды в парикмахерской, которую она регулярно посещала, появился новый мастер — приятный немец. Завязалось знакомство. Парикмахер намекнул ей, что является членом движения Сопротивления. Любовь и опасность — что может быть слаще. И девушка стала совершать ошибку за ошибкой. Мало того, что не сообщила резиденту о новом знакомом, так еще и стала приглашать его к себе — в квартиру, где находился радиопередатчик! Ей и в голову не пришло, что очаровательный ухажер — агент гестапо.

Между тем Шелленберг не топорился. Его люди выявили всех знакомых доверчивой радистки. В поле зрения гестапо попал и сам Шандор Радо — его жена часто виделась с Маргарет. Неторопливость

отсылал в Лондон. Когда же узнал, что англичане не передают СССР важнейшую информацию, касающуюся Восточного фронта, стал искать прямой выход на советскую разведку. Через доверенного человека вошел в контакт со связной из группы Дора, причем обставил дело так, будто это она его завербовала. Рёсслер тщательно соблюдал конспирацию и, несмотря на огромное желание Шандора Радо познакомиться лично, неизменно отвергал эти попытки. Своих помощников Рёсслер так и не назвал даже после войны, унеся эту тайну в могилу — он умер в 1958 году. Лишь однажды обмолвился, что с ним работали пять генералов, полковник, майор и несколько капитанов.

Охотой на советских разведчиков руководил лично Вальтер Шелленберг. Группе Радо в гестапо и абвере присвоили кодовое название «Красная тройка» (по числу радиостанций: две в Женеве и одна в Лозанне). Женевской радистке Маргарет Болли было суждено сыграть трагическую роль в истории группы. Она была самой молодой — в 1942-м ей исполнилось 23 года — и не

рые историки, особенно в Европе, говорили даже, что именно группа Дора предопределила исход этого сражения и, таким образом, всей войны. Любопытна реакция Радо. На одну из подобных работ, появившихся в конце 60-х, он ответил резкой отповедью, отметив в своей книге «Под псевдонимом Дора» (издана в 1973 году), что «причиной поражения фашистской Германии явилось превосходство общественного и государственного строя СССР, социалистической экономики и идеологии, советской военной стратегии»...

Вскоре после сражения под Курском швейцарская полиция под давлением гестапо начала аресты. И снова на переднем плане оказалась та самая Маргарет. Только на этот раз она проявила бдительность. Заметив подозрительных людей возле своего дома, сообщила об этом Радо, а тот передал сигнал опасности в Центр. Когда полиция нагрянула к Маргарет, той дома не оказалось — она скрывалась у своего возлюбленного, агента гестапо...

Захваченным разведчикам повезло. Исход войны уже не вызывал сомнений, и швейцарские власти не торопились выдавать их Германии. Агентов даже выпустили до суда под залог. Максимальное наказание им составило два года, работавший же на Швейцарию Рёсслер был оправдан.

Самому Радо удалось избежать ареста. История его возвращения в Советский Союз полна драматизма. Он пробрался в уже освобожденный Париж. Все нити, связывающие его с Центром, были оборваны. Понимая, что иного пути нет, отправился в советскую миссию по репатриации. Там его попросили написать отчет — нелегал отказался. Тогда ему предложили вылететь в Москву — благо и okazия нашлась: 12-местный «Дуглас». Для того чтобы не нарваться на немецкую авиацию, маршрут проложили через Каир, Тегеран и Баку.

Последнее и самое громкое дело группы Дора — передача в Москву добытых Рёсслером важнейших сведений об операции «Цитадель» на Курской дуге

Шелленберга дала группе Дора исполнить свое последнее и самое громкое дело — передать в Москву добытые Рёсслером важнейшие сведения об операции «Цитадель», с помощью которой немцы надеялись переломить ход войны, нанеся главный удар на Курской дуге. Позже начальник штаба объединенного командования немецких войск генерал Йодль скажет, что в Москве данные о численности сил и направлениях атаки появились раньше, чем у него на столе.

Разумеется, эта информация оказала существенную помощь советскому командованию. Некото-

Перед вылетом Радо вручили документы на имя Игнатия Кулишера, советского военнопленного. В самолете оказались и другие разведчики-нелегалы, чудом избежавшие ареста. На соседнем сиденье расположился шеф одной из групп Леопольд Треппер. От поездки в Москву он ничего хорошего не ждал и все время полета до Египта делился с Радо мрачными предчувствиями.

В Каире пассажиров поселили в одноместных номерах отеля «Луна-парк». Радо пожаловался на зубную боль и, небрежно бросив кому-то, что, мол, заглянет к врачу, покинул гостиницу. Никто не придавал этому значения — верхнюю одежду и портфель с документами Радо оставил в номере. Однако, когда на следующий день группа собралась продолжить полет, разведчика в гостинице не оказалось. Поиски ни к чему не привели, и в отправившемся в Москву «Дугласе» оказалось одним свободным местом больше. А сбежавший нелегал явился в английское посольство и попросил политического убежища. Англичане отказали — зачем им ссориться с Советами из-за какого-то Кулишера. Знали бы они, кому указали на дверь! Наверняка Радо понимал, что открой англичанам, кто он на самом деле, с него бы пылинки сдували, и был бы он на всю оставшуюся жизнь самым уважаемым на Альбионе человеком. Но предательство было чуждо его натуре.

Развернувшись, он побрел куда глаза глядят. Вскрыть вены — иного выхода в сложившейся ситуации он для себя не видел. К счастью, ему вовремя оказали медицинскую помощь, однако, попав в госпиталь, он «засветился», и советская разведка, не прекращавшая его поисков, в августе 1945-го добилась от египетских властей его выдачи, для упрощения процедуры обвинив в попытке изнасилования горничной.

Некоторые военные историки считают, что Радо совершил в Каи-

ре чудовищную ошибку, единственную в своей жизни, но вызвавшую роковые последствия. На его репутации не было ни пятнышка. Поэтому даже в те жестокие времена у него были высокие шансы избежать репрессий — вопреки расхожему мнению, сажали не всех. Впрочем, сделанного не вернуть. Нет нужды описывать все злоключения, через которые прошли в те времена многие провалившиеся нелегалы — несправедливые обвинения в предательстве, вместо суда — особое совещание, лагеря. Радо получил десять лет. Впору сказать: «Спасибо, что не расстреляли».

Освобожден он был в ноябре 1954-го. Руку к этому приложил югославский лидер Тито, потребовавший от Хрущева выпустить соотечественников, оказавшихся в ГУЛАГе по политическим статьям. Каким-то образом в список попал и венгр Радо — «сошел за югослава»,

туманно пошутил сам разведчик спустя десятки лет в интервью советскому журналисту Александру Баршаю.

Военная коллегия Верховного суда СССР полностью реабилитировала Шандора Радо, ему вернули награды, восстановили в звании полковника Советской Армии. Знаменитый нелегал отправился на родину, чтобы заняться, наконец, своей любимой картографией. Был руководителем картографической службы Венгрии, возглавлял международную редколлегию первого подробнейшего атласа мира, много ездил по миру. В 1973 году, пересмотрев дело, его наградили орденом Отечественной войны I степени. Как утверждает со ссылкой на некое «высокопоставленное лицо» в ЦК КПСС его советский биограф Владимир Александров, могли бы дать и Героя. Если бы не Каир.

Каир. 1920-е

Другие берега

Легендарный Земляк в кругу боевых друзей

Русский медведь — защитник французов

Юрий Коваленко, Париж

В историю Первой мировой войны особую страницу вписал Русский экспедиционный корпус, героически сражавшийся с немцами во Франции и в Македонии. На полях сражений полегло примерно 15 000 наших воинов. К сожалению, и во Франции, и в России их подвиг долгое время был забыт. Лишь три года назад в центре Парижа, на набережной рядом с мостом Александра III был установлен памятник бойцам этого корпуса. Тогдашний премьер-министр Франсуа Фийон называл этот мемориал «ярким символом франко-русских отношений».

О судьбе наших воинов рассказывает историк **Жерар ГОРОХОВ** — автор альбома «Русский экспедиционный корпус во Франции и в Салониках. 1916–1918 гг.» (в соавторстве с Андреем Корляковым), а также книг «Герои и бунтари», «Русская императорская гвардия».

СВОЙ: *Зачем понадобилось посылать наших солдат во Францию? В России видели неисчерпаемый запас живой силы?*

Горохов: В Первую мировую войну французы и англичане несли огромные потери. Они решили, что Россия обладает огромными людскими ресурсами и попросили прислать солдат на подмогу. В обмен Париж обещал поставить — разумеется, за деньги — боевую технику, ружья и патроны, которых действительно не хватало в России.

СВОЙ: *Изначально Франция затребовала аж 400 000 русских штыков.*

Горохов: Это была несусветная цифра, которая непонятно на чем основывалась. Поэтому русский генштаб сразу ответил отказом. Прежде всего потому, что самой императорской армии, вопреки распространенному мнению, не хватало людей.

СВОЙ: *Тем не менее «верхи» пошли союзникам на встречу...*

Горохов: В конце концов, Николай II решил, что союзникам негоже отказывать, и согласился послать две бригады во Францию и еще две — в Македонию. В итоге было отправлено около 45 000 солдат.

СВОЙ: *Первая бригада поехала на фронт в начале 1916 года. Сначала — по железной дороге из Москвы на Дальний Восток. Далее — морем, через всю Азию и Суэцкий канал до Марселя. Почему выбрали такой длинный маршрут, почти кругосветное путешествие?*

Горохов: Чтобы избежать встреч с немецкими субмаринами. Так или иначе, в апреле 1916 года русских в Марселе встречали с восторгом. Французы кричали: «Ура! Да здравствуют русские! Мы больше не одни! Они нас спасут!» Вторую бригаду на французский фронт перебросили в августе того же года, но уже морским путем через Архангельск. Ни один корабль не был потоплен немцами. Наконец, еще две русские бригады направили в Македонию, на Салоникский фронт.

СВОЙ: *Наших солдат послали воевать без оружия...*

Горохов: Поэтому их надо было вооружить, научить пользоваться французскими винтовками и пулеметами, познакомить с методами ведения боевых действий. Они сначала прошли подготовку в военном лагере в Шампани, а затем их перебросили

Памятник солдатам и офицерам
Русского корпуса в Париже

ДРУГИЕ БЕРЕГА

на фронт в районе города Реймса. Общее командование осуществляли французы. Но жалование солдатам платило царское правительство. В июне 1916 года русские прошли боевое крещение, вели очень тяжелые бои и проявили героизм во время всех сражений. Наряду с французами понесли огромные потери в апреле — мае 1917 года в кровопролитном сражении, получившем название «бойня Нивеля» (по имени бездарного главнокомандующего французской армией Робера Нивеля. — «Свой»). Большие жертвы вызвали во французских частях беспорядки, которые были жестоко подавлены.

СВОЙ: *«Если Франция и не была стерта с карты Европы, то в первую очередь благодаря мужеству русских солдат», — воздал должное нашим воинам маршал Фердинанд Фош, верховный главнокомандующий вооруженными силами Антанты.*

Горохов: Он написал эти слова после наступления русских армий в 1914 году в Восточной Пруссии. Немцам, которые приближались к Парижу, пришлось срочно перебросить на восток два армейских корпуса.

СВОЙ: *Не возникало трений между русскими и французскими военными?*

Горохов: Никаких серьезных проблем не было. Их связывало настоящее братство по оружию. Не будем забывать, что в ту эпоху российско-французскому альянсу придавали огромное значение.

СВОЙ: *Первой русской бригадой командовал видный военачальник — генерал Николай Лохвицкий. Вернувшись на родину, он сражался в рядах Белой армии. Потом эмигрировал во Францию. Похоронен рядом со своей сестрой, известной писательницей Надеждой Тэффи в Сент-Женевьев-де-Буа.*

Горохов: 7 ноября 2014-го на этом кладбище открыли памятник Николаю Лохвицкому. Добавлю, что в Русском экспедиционном корпусе служили знаменитый поэт, офицер Николай Гумилев, и солдат Родион Малиновский, будущий маршал и министр обороны Советского Союза. Храбрость последнего была отмечена двумя французскими наградами.

СВОЙ: *Талисманом наших воинов стал медвежонок по кличке Земляк. Его купили офицеры в складчину в Екатеринбургe и привезли во Францию на поля сражений. О нем в своих мемуарах рассказывала Марина Деникина, дочь знаменитого белого генерала.*

Горохов: Медведь пользовался огромной любовью у солдат. Любопытно, что Земляк всегда был настроен благодушно в окружении русских. Но сразу выходил из себя при виде французов. После войны так и остался во Франции, страдал от ностальгии, не находил себе места и закончил дни в парижском зоопарке в «Жарден д'Акклиматасьон».

СВОЙ: *Как был организован досуг наших солдат?*

Жерар Горохов

Горохов: Они могли посещать город Реймс, ходить в кино и в магазины. Кроме того, во Франции существовало нечто вроде «организации военных крестных матерей». Она объединяла французенок, писавших солдатам письма со словами поддержки и утешения, отправлявших им небольшие посылки.

СВОЙ: *Велики оказались наши потери?*

Горохов: Во Франции они составили 7–8 тысяч человек и еще 5–7 тысяч были убиты в Македонии. Самое большое русское военное кладбище находится в местечке Мурмелон, примерно в двухстах километрах к востоку от Парижа. Там установлен православный храм — памятник, возведенный по проекту архитектора А.А. Бенуа. «Когда враг будет побежден, гласит надпись на монументе, — и вы сможете свободно собирать цветы на этих полях, вспоминайте ваших русских друзей и приносите им цветы». Каждый год в Мурмелоне собираются россияне, чтобы почтить их память. Во Франции есть Ассоциация памяти Русского экспедиционного корпуса, которая издает бюллетень «Мишка», названный в честь Земляка. Аналогичная ассоциация существует и в России.

СВОЙ: *После Февральской революции в Русском экспедиционном корпусе вспыхнул бунт. На перегово-*

Памятник Николаю Лохвицкому в Сент-Женевьев-де-Буа

воры с повстанцами прибыл представитель Временного правительства в сопровождении офицера по особым поручениям Николая Гумилева.

Горохов: Брожения среди русских начались в мае 1917 года. Первая бригада объявила о том, что отказывается воевать, и потребовала возвращения домой. Среди бунтарей был и Родион Малиновский. Эмиссары Временного правительства попытались уговорить революционно настроенных солдат продолжить войну. Однако большинство солдат отказались. Тогда две бригады объединили в дивизию под командованием генерала Лохвицкого и перебросили в военный лагерь Ла-Куртин в центральной Франции, неподалеку от Лиможа. Французы были в растерянности, но Временное правительство с согласия Парижа решило подавить бунт. Для этой цели использовали русскую артиллерийскую часть, которая через Францию направлялась в Македонию. Русские стреляли в русских — сначала холостыми, потом учебными патронами. Лагерь был взят, а повстанцы арестованы. Жертвы, конечно, были. По официальным данным — десяток убитых, не считая раненых. Однако, вопреки утверждению некоторых историков, это были не сотни (а тем паче тысячи) погибших. Получил ранение и Малиновский, два месяца пролежавший в госпитале.

СВОЙ: *После этих событий Русский экспедиционный корпус расформировали?*

Горохов: Солдат разделили на три группы. Большинство согласилось служить в рабочих отрядах — строить дороги, трудиться на заводах, заниматься сельским хозяйством, сбором винограда и т.д. Самых непримиримых, зачинщиков, членов солдатских комитетов — их было меньше четверти от общего состава — отправили на работы во французские колонии в Северной Африке. В основном в Алжир, а также в Марокко. Там они фактически оказались на каторге. Наконец, третья часть — около 300 человек — создала Русский легион чести, который продолжил воевать в составе французских подразделений. Тот проявил чудеса мужества, сражался под Парижем и через Лотарингию и Эльзас дошел до Германии.

СВОЙ: *Как сложилась дальнейшая судьба русских солдат во Франции?*

Горохов: Когда война закончилась, возник вопрос: что делать с русскими воинами, находящимися на французской территории? В России бушевала Гражданская война. Как бы там ни было, весной 1919-го началась репатриация военных в Россию. Затем настала очередь возвращаться для тех, кого сослали в Алжир. В конце 1918 года солдат Русского легиона чести отправили из Германии в Марсель, а потом в Новороссийск. Они примкнули к армии Деникина, но часть солдат впоследствии перешла на сторону красных. Были и те, кто отправился в Россию, а потом уехал в эмиграцию.

СВОЙ: *Некоторые историки связывали отправку Русского экспедиционного корпуса с тем, что Франция прежде предоставила России крупные займы. Поэтом, дескать, Париж и требовал ответного жеста.*

Горохов: Это очень существенный момент. Когда большевики взяли власть, они отказались платить по царским займам. Но при подписании Брестского мирного договора 3 марта 1918 года немцы получили от Советов несколько тонн (мы не знаем точную цифру) золота. При заключении перемирия с Германией 11 ноября 1918-го союзники потребовали отдать им это золото. Что и было сделано. Значительная часть драгоценного металла досталась Франции, которая много потеряла на царском займе. Очень важно и то, что русское золото никогда не использовалось для компенсаций «пострадавшим», тем, у кого на руках остались ценные бумаги. Французам обещали выплаты, однако постепенно золото влилось в госбюджет, и никто из них никаких денег не получил. Отмечу, что стоимость золота приблизительно равнялась той сумме, которую Россия была должна Франции по царскому займу. То есть фактически Москва с Парижем давно между собой рассчитались.

Мансийский воин

Григорий Стангрит, Сергей Громов

Тем, кто увлекается боксом, представлять Руслана Проводникова излишне. Для тех же, кто не испытывает особого желания вникать в подробности спортивной биографии (а равно в различия между хуком и джебом, нырком и сайд-степом, WBO и HBO), достаточно будет узнать, что во всем мире его знают как Сибирского Рокки.

Весьма подходящее прозвище: как и голливудский Рокки Бальбоа, Руслан никогда не избегает в ринге самой жесткой, бескомпромиссной рубки, из которой выходит, как правило, победителем. Так же, как и герой Сильвестра Сталлоне, Проводников самоотверженно бьется за честь флага, а вместе с тем — за симпатии миллионов болельщиков. Разница в том, что первый поражает воображение зрителей с помощью киношных спецэффектов, второй же отнюдь не менее впечатляюще сражается в реальности. Можно указать и на то, что вымышленный образ «Итальянского жеребца» (Рокки) использовался в свое время как элемент американской пропаганды в «холодной войне». Всамделишный русский боец, напротив, выступает как представитель самой мирной, народной дипломатии, по мере сил способствуя сближению государств и социумов.

РУСЛАН довольно продолжительное время возглавлял в 2013-м «Список Гатти» — то есть признавался мастером, показывающим самый зрелищный бокс на планете. В том же году завоевал пояс чемпиона мира по одной из престижных версий. Некоторые его бои, к примеру, с Тимоти Брэдли или Майком Альварадо, спортивные гурманы будут смаковать и через десять, и через двадцать лет...

Каков он, наш Сибирский Рокки, не только на ринге, но и за его пределами? Об этом мы попытались узнать у него самого — в период подготовки к очередному поединку, намеченному на 28 ноября. Первому с его участием в Москве.

На вопрос о том, кем знаменитый боксер себя в первую очередь ощущает — представителем малого, но гордого сибирского народа манси или большой России, Руслан Проводников ответил так:

— Для меня эти понятия одинаково ценны. И неразрывны. Горжусь тем, что родился и вырос в России. Но не менее дорог мне и факт моего рождения в маленьком поселке Березово (в Ханты-Мансийском автономном округе). Более того, мой сын появился на свет в этом же поселке. Ходит там в детский сад. И пойдет в ту же школу, в которой учился его отец.

Занятие боксом первоначально являлось для меня средством зарабатывать на жизнь. Когда переходил в профессионалы, жена была беременна, а наше с ней материальное положение, мягко говоря, оставляло желать много лучшего. Но люди, которые нас окружали, всячески поддерживали меня, верили в то, что мне суждено большое будущее. Мой народ был со мной всегда — и в самые трудные для меня годы, и тогда, когда мне улыбнулась удача. Со временем я понял, что деньги и чемпионские пояса — ничто

Руслан Проводников родился 20 января 1984 года в поселке Березово Ханты-Мансийского автономного округа. Боксом занимается 20 лет. В конце 2006-го перешел в профессионалы. В 26 проведенных на профессиональном ринге боях одержал 23 победы (из них 16 — досрочно). 19 октября 2013 года, победив техническим нокаутом Майка Альварадо, завоевал титул чемпиона мира по версии WBO в первом полусреднем весе. Тренируется под руководством Фредди Роуча.

Поселок Березово

ФОТО: КОНСТАНТИН ВЕРЕМЕЙЧИК/ТАСС

Поединок
с Тимоти Брэдли

ФОТО: WWW.BOXING.RU

по сравнению с его любовью, уважением, радостью от моих побед. Чемпионов мира на свете немало. Но многих ли из них мы долго помним? Во всяком случае, очень скоро забываем тех, у кого нет ни родины, ни флага, кто постоянно бежит туда, где им обещают больше платить, «лучше кормить». Конечно, я мог и до сих пор могу вместе со своей семьей уехать на постоянное место жительства в США или куда-то еще. Но уже давно сделал свой выбор. У меня есть Родина, и это главное. Именно она делает по-настоящему сильным. Мои земляки присвоили мне звание почетного гражданина поселка Березово. На взгляд жителя какого-нибудь мегаполиса, наверное, это звучит не очень громко, однако многие люди,

чтобы получить такое звание, не жалея сил, трудятся по 40–50 лет. Так что мне есть чем гордиться. В первую очередь как раз тем, что меня высоко ценит мой народ.

Жители родного поселка Проводникова любят и уважают не только за выдающиеся спортивные заслуги, но и за то, что он для всех — свой парень, простой, скромный в общении, невероятно дружелюбный человек. А еще за то, что спешит помочь всем, кто в его поддержке остро нуждается, будь то воспитанники интерната или обитатели дома престарелых, погорельцы или тяжело больные люди...

Ничего не изменилось в этом смысле и после досадного, «придуманного» судьями проигрыша Руслана (в июне 2014-го) амери-

канцу Крису Алгиери. Тот уже в первом раунде дважды побывал в нокауне, чудом избежал нокаута и до финального звука гонга бегал от россиянина, включив самый полный задний ход. Носясь и мечась по рингу, словно угорелый, умудрялся выбрасывать одиночные, несильные удары и даже изредка попадать в цель. То, что Алгиери таким образом «отобрал» чемпионский пояс, особой славы и почета новому обладателю не добавило. Как не умаило популярности Проводникова в России и во всем остальном мире.

— Раньше сильно мучил вопрос: насколько изменится отношение ко мне людей, когда расстанусь с титулом чемпиона? Теперь знаю: совсем не изменилось. На родине знакомые и незнакомые радушно приветствовали: «Как дела, чемпион?» Я поправлял: «Бывший». И слышал в ответ: «Не бывший — самый настоящий». Вот в такие минуты и понимаешь, что делаешь все правильно, живешь так, как нужно жить. Недавно побывал на большом вечере бокса в Калифорнии, где Геннадий Головкин боксировал. Меня окружила большая толпа зрителей, скандировала: «Руслан! Руслан!» Наперебой пожимали руки, просили вместе с ними сфотографироваться на память... С арены секьюрити, взяв в плотное кольцо, выводили меня через черный ход. На том вечере Алгиери тоже присутствовал. Ходил по залу в гордом одиночестве... Даже немного жалко его стало.

Кстати, о жалости. Что Руслан эпизодически проявляет в ринге такое «ненормальное» для боксеров качество, как гуманное отношение к сопернику, замечено (пусть и немногими) не вчера. Например, больше года назад, на встрече с московскими болельщиками, на которую Проводников прилетел сразу после завоевания титула чемпиона мира, его прямо спросили: «Отчего не нокаутировал еле-еле державшегося на ногах Альваро раньше, еще в девятом

раунде? В какой-то момент пожалел его, почти поверженного?» Сей вопрос подавляющим большинством участников встречи был воспринят как абсолютно дилетантский. Какая уж тут, дескать, жалость! Нет и никогда не было ей места в профессиональном боксе! Сам же Руслан ответил примерно так: «Вымахался, устал после тяжелой атаки, взял паузу, поскольку понял: никуда Альварадо не денется, он — мой».

И все-таки слышалась тогда в словах бойца некоторая недосказанность. В беседе с журналом «Свой» он, похоже, был более откровенен:

— Порой, когда видишь, что соперник отдал все силы и ничего не может противопоставить, хочется, чтобы бой завершился как можно скорее — либо рефери его остановил, либо секунданты полотенце выбросили. В такие минуты вообще нет желания избивать боксера, сильно его травмировать. Может, я с годами становлюсь слишком добрым, «сентиментальным». Может, в какой-то мере бывает страшно за последствия своих «колотушек». Мы ведь только в последние годы стали свидетелями нескольких трагических случаев, связанных с профессиональным боксом. Бойцы впадали в кому, умирали... А ведь свидетелями происходивших с ними несчастий на ринге становились их родители, жены, дети. Каково им было смотреть на все это! У меня до сих пор стоит перед глазами поединок с Дэвидом Торресом (январь 2012-го. — «Свой»). Я послал его в глубокий нокаут, но он встал и попытался продолжить бой, хотя был абсолютно не готов к этому. В итоге — тяжелейший нокаут. Потом пересматривал тот поединок, впечатления, прямо скажем, не из лучших...

Я не жестокий человек. Никогда не вижу в сопернике врага. К тому же осознаю, что за него, как и за меня, сильно переживают его близкие.

Разговору о проведенных за годы профессиональной карьеры встречах в ринге Руслан явно предпочитает тему его взаимоотношений с земляками, родственниками, болельщиками. Проводников вот уже несколько лет воспринимается на его малой родине не иначе как национальный герой. Он стал примером для подражания не только среди детей, юношей, молодежи. Поговорить с Русланом «за жизнь» стремятся многие зрелые, вполне состоявшиеся люди. Боксеру приятно вспоминать эпизод с одним телефонным звонком. В прошлом году, во время пребывания новоиспеченного чемпиона мира в Москве, ему позвонил весьма влиятельный, известный в наших бизнес-кругах человек. Представился и признался: «Руслан, когда смотрел твоё выступление сразу после боя, я заплакал. Хочешь верь, хочешь не верь — я люблю свою родину так же, как и ты!»...

— Постоянно общаемся с нашими стариками, добрыми мансийскими бабушками. Те недавно сшили мне красивую рубашку с национальным орнаментом. Всякий раз при встрече не преминут напомнить: «Руслан, в тебе живет доблестный мансийский воин, богатырь!» Манси испокон веков — народ воинов, охотников. В наших былинах есть свои замечательные

богатыри, герои. Самыми лучшими снайперами в годы Великой Отечественной войны были как раз сибиряки, манси. Их брали на фронт без специальной подготовки.

Часто встречаемся с представителями мансийской интеллигенции — учителями, историками, краеведами, деятелями искусств. Меня периодически приглашают на международные конгрессы по проблемам малочисленных народностей. И я подобные приглашения, естественно, всякий раз охотно принимаю. Наши народы вымирают. Исчезает, вымывается национальная культура. Этот процесс надо остановить. А кто его остановит? Только те люди, которые чего-то добились, причем на самом высоком, общемировом уровне. Поэтому мои земляки во многом рассчитывают на меня, надеются, что я помогу им сберечь то, что им особенно дорого.

Будем надеяться, Руслан Проводников вскоре вернет себе чемпионский титул.

Как бы там ни было, он уже вписал свое имя в лучшие, самые памятные страницы истории мирового бокса. На него равняются сотни тысяч талантливых мальчишек по всему земному шару. Разумеется, хочется, чтобы весомую долю этой огромной армии составляли будущие российские бойцы.

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ШАРИФУЛИН/ТАСС

Трапезная

ФОТО: PHOTOXPRESS

Стол с лапшой да сам большой

Максим Сырников

Слово «лапша» пришло к нам из тюркских языков. Даже в Турции она по сей день «лакша». Созвучность более чем очевидна.

ВСЕ тюркские народы, населяющие Россию, блюда из лапши не без оснований считают своей национальной кухней. Когда-то очень давно и русские люди распробовали их во всем разнообразии. И навсегда полюбили. Первые упоминания лапши в русских письменных источниках относятся к глубокой старине.

Лапша, салма, тукмач — татарские и башкирские разновидности раскатанного пресного теста — упомянуты в росписях русских царских кушаний и древних монастырских книгах.

В отношении жителей древнего, некогда стольного града Владимира ходила по Руси дразнилка: якобы, те лапшу топором крошат. А у нижегородцев существовал обычай приносить ее на свадебный стговор и угощать ею от имени помолвленных.

Лучшая лапша — домашнего приготовления, замешанная, раскатанная и подсушенная на своей кухне. Дело это несложное, хотя при раскатке мы и не используем специальных машинок и прочих приспособлений.

**Рецепт теста
для лапши из воды
и муки, без яиц.
Такую лапшу можно
есть как в пост, так
и в скоромные дни**

160 г пшеничной муки
40 г гречневой муки
Три столовые ложки ледяной воды
Чайная ложка подсолнечного
масла

1. Вымесить тесто из муки и очень холодной воды (можно использовать растопленные непосредственно перед замесом кубики льда), с добавлением масла. В зависимости от влажности и сорта муки указанного количества воды может быть излишне много или, наоборот, недостаточно. В таком случае следует ориентироваться на способность теста свободно раскатываться и не липнуть к рукам.
2. Дать выстояться тесту минут 10–15 на холоде.
3. Раскатать тесто на слегка подпыленном мукой столе или раскаточной доске, сложить вдвое, еще раз подпылить мукой и снова сложить вдвое. Нарезать лапшу ножом полосками не шире 5 мм. Подсушить ее прямо на столе не менее получаса.
4. После подсушки лапшу можно отваривать в воде, бульоне или молоке.

Своя

ДЕКАБРЬ 2014

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Барщины